

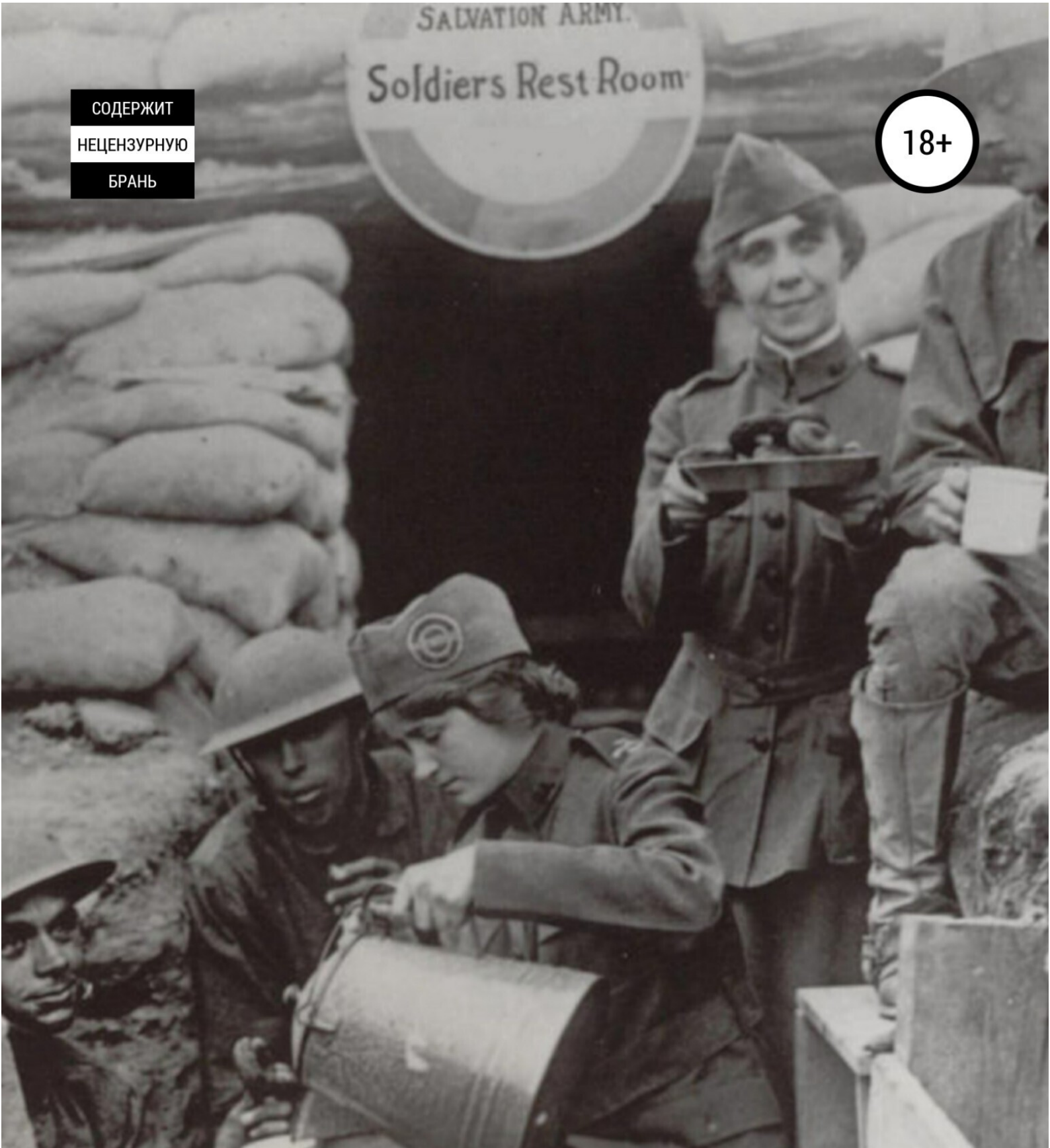
SALVATION ARMY.
Soldiers Rest Room

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Винокуров Кирилл

Цветы для поля боя

Кирилл Винокуров
Цветы для поля боя

«Автор»

2018

Винокуров К. С.

Цветы для поля боя / К. С. Винокуров — «Автор», 2018

Война - это сила, в храме которой лишь нож и алтарь. На её полях не растут цветы. Когда Империя напала на Королевство Галатию, дружный и неразлучный школьный класс без раздумий отправился на фронт, чтобы защищать свою Родину. Попав в один взвод добровольческой армии, они встретились лицом к лицу с жестокостью этой войны и трудностями, к которым никакая школа не могла их подготовить. Но, полные решимости сражаться до конца, они бросили вызов Войне! В оформлении обложки использована фотография Salvation Army USA West "Salvation Army serving soldiers at a trench, WW I" CC-BY-SA 2.0 Содержит нецензурную брань.

© Винокуров К. С., 2018

© Автор, 2018

Глава I

– Снято! – фотограф вынырнул из-за своего фотоаппарата, стоящего на треноге. – Теперь вы, герои, навсегда увековечены в истории нашей страны. Родина может вами гордиться. Подумать только, целый класс, да ещё и в одном взводе...

– Ладно-ладно, будет Вам, им только предстоит войти в анналы истории, – командир Берн всё ещё продолжал улыбаться, правда, теперь его улыбка была просто доброжелательной, а не сияющей, как это было на снимке. Он обратил взгляд на своих подчинённых. Ему они казались совсем ещё детьми, несмотря на то, что самому Тому Берну было только двадцать пять. Однако к своим двадцати пяти он уже успел повидать войну, а вот этим ребятам и девушкам только предстояло знакомство с ней. Они достались ему по обычному распределению ещё в тренировочном лагере. Он поначалу очень удивился, что ему достался такой странный отряд, в котором в одной шеренге стояли и юноши, и девушки. Однако позже он понял, что все они серьёзно вознамерились пойти на войну и готовы приложить все усилия, чтобы защитить Родину. Молодые душой, с горящими сердцами, им, как считал сам Берн, не место на этой войне, но ничего изменить он не мог, в армии Галатии Том был всего лишь младшим лейтенантом.

Он видел своими глазами начало этой ужасной войны, когда солдаты Империи вторглись на территорию своего маленького соседа. Причина для вторжения была лишь одна – ресурсы, коими изобилвала земля Галатии. В эти ужасные дни Том был на самом передовом рубеже обороны и командовал небольшим подразделением, которое было уничтожено в ходе боёв. Сам Томас был в тот день ранен и едва спасся в отступлении. Затем был госпиталь, лечение, а потом ему поручили их. Их было всего двадцать человек. Девять юношей и одиннадцать девушек. Все как один, они пошли в добровольческую армию, где их обучили на скорую руку, и вот сейчас они тут, у небольшого провинциального городка под названием Рамс. Через час им надо будет отправиться в их первый бой, на самую передовую.

– Взвод, смирно! – командует Том и все двадцать человек застывают в двух шеренгах. – Через час выдвигаемся на передовую. Проверьте оружие, запас патронов и личные вещи. Экипажу танка, приготовить машину к бою. Вопросы есть? – он выдерживает пятисекундную паузу, – Разойтись!

Все расходятся, лишь экипаж танка остаётся на месте, у своей боевой машины. Сначала они даже не думают двигаться с места, как окаменевшие, но затем отмирают и принимаются детально осматривать машину. Экипаж составляют три человека – механик, командир и наводчик, он же заряжающий. Первая из них – маленькая, худенькая девушка с длинными волосами, заплетенными в две косы. У неё совсем детское личико, с небольшим, курносом носиком, маленьким ртом и большими, карими глазами. Её зовут Катерина. Она быстро залезает в машинное отделение танка и начинает проверять всё на исправность. С заботой, она проводит руками по деталям и рычагам. Она любит свою «крошку Руби» больше всего на свете и не простит её обиду никому, возможно, даже самому королю Альберту.

Второй танкист – Георг Бетке. Белокурый, статный, с волевым, слегка заострённым лицом, ему очень идёт его сержантский китель и фуражка. Правда, всё это уже изрядно запахло маслом и бензином. Ему бы, на самом деле, не в двигателе ковыряться, а ехать в парадном строю на площади победы в Столице. И все бы смотрели на него и восхищались, говоря: «Вот он – истинный защитник Отечества». Сейчас же он с серьёзным лицом проверяет затвор главного орудия, держа в руках маслёнку. Он считает, что лучше уж перестраховаться лишний раз, чем стоять посреди боя с заклинившим затвором. От волнения он хмурится, на его лбу проступают капельки пота, хотя на дворе стоит середина октября, и жары особой нет.

Третья в этом экипаже Лина Вахтенберг. Очень тихая, спокойная, похожая на маленькую милую мышку девочка в очках. Она до сих пор осталась очень прилежной ученицей, какой

была когда-то в мирное время. При любой удобной минуте она может достать какую-нибудь книгу и начать увлечённо читать. Причём книги попадают все время разные. Сколько их у неё, и откуда они постоянно берутся, для всех остаётся загадкой. Сама она говорит, что просто любит учиться. Учиться всему, что есть в этом мире от арифметики до боевых манёвров и стратегии танкового боя. Однако Лина не просто книжный червь, она может разобрать двигатель танка Горностай при любой погоде и в любом состоянии, за что Катерина очень любит наводчицу и постоянно прибегает к ней за помощью, если с «Руби» что-то не так.

Остальные семнадцать человек заняты примерно тем же, чем и танкисты. Вот Ральф и Пауль чистят ствол своего станкового пулемёта, расчётом которого они являются. Они весело шутят на какие-то свои темы, подзуживая друг друга. Однако сейчас в этом смехе слышится какая-то напряжённость, будто что-то внутри парней натянуто до предела. Их улыбки словно притянуты к их лицам. В другой стороне у своих палаток стоит компания девушек, которые что-то тихо обсуждают, попутно собирая вещи. Все они сейчас думают об одном и том же. Просто выглядит это по-разному. Все они говорят на какие-то отвлечённые темы, шутят, посмеиваются, но в глубине души они все понимают, что боятся. Они так долго шли к этому моменту, к тому, чтобы стоять до конца за Родину, и вот этот миг настал. Теперь отступать уже некуда и теперь только они чувствуют, насколько это страшно. Страшно вовсе не умереть или быть раненым, нет. Страшно потерять друг друга. Столько лет они шли вместе, рука об руку, что теперь они стали практически единым целым и не мыслят себя без других.

Час проходит совсем не заметно, и вот они опять стоят у танка в две шеренги. В полной боевой выкладке, с тяжёлыми мешками на плечах, с оружием в руках. Перед ними выступает их командир, которому они верят, как никому на свете. Он не говорит пафосных речей про их смелость, про Отечество. Он даёт им простые инструкции для того, чтобы они не погибли в первые же секунды боя. Вкратце он рассказывает им, что в городе уже вторые сутки идут тяжёлые бои, он чётко и коротко ставит перед ними боевую задачу. Том вообще не мастак говорить длинные речи, в армии от этого быстро отучиваешься.

– И последнее, – тут его тон с делового переходит на какой-то отеческий и заботливый. – Держитесь друг друга и постарайтесь выжить, – тут его взгляд снова становится стальным и непроницаемым. – Выступаем!

Они долго ехали по простой асфальтированной дороге в горку, за которой прятались их основные позиции. Медленно и неспешно, будто просто меняли дислокацию. Пехота спокойным шагом шла за танком, кто-то переговаривался между собой. Но когда они, наконец, въехали на пригорок, все остановились. Перед ними открылся совершенно ужасающий вид на низину. Там внизу текла река, тихая и спокойная, а по её берегам всё было черно и красно от дыма и огня. Центральное место в этой картине занимал город. Больше всего он напоминал ожог. Уже здесь, на вершине пригорка, были слышны выстрелы и взрывы идущего там боя. Всех в это момент передёрнуло. Каждый в эту минуту глубоко вздохнул пропитанный копотью и гарью воздух. В этот миг они в первый раз вдохнули запах настоящей войны.

– Взвод, не останавливаться! Наша цель: Пекарская улица на окраине! Вперёд, ребята! За дом, за друзей, за Галатию!

И тут какая-то неведомая сила бросила их вперёд. Мотор Горностая взревел, и машина тоже сорвалась со своего места. Перед ними был целый километр испещрённой взрывами земли, а там впереди их ждал огонь и дым, выстрелы и крики.

Как они оказались на Пекарской улице, никто не помнил. Всё, что происходило дальше, было будто в бешеном водовороте. Звуки смешались в один протяженный гул, который изредка пресекался треском стрельбы. За улицу шёл ожесточённый бой, стрельба велась прямо через проезжую часть. Из одного из домов на имперской стороне улицы строчил пулемёт. 37-ой взвод вместе с командиром дружно спрятался от этого беспощадного огня за танком, являвшимся единственным прикрытием в данный момент. Пули безжалостно били по броне «крошки

Руби», но пробить её не могли. Всё внутри танка гудело, двигатель гремел, как девятый вал. А дым загораживал обзор через смотровую щель. Тем не менее, Георг быстро отыскал взглядом огневую точку противника.

– Лиана, огневая позиция на два часа! Осколочный! – орал он, перекрикивая стук пуль по обшивке машины. Его напарницу буквально трясло от ужаса, но она упорно старалась затолкнуть снаряд в казённую часть орудия. Его и самого потряхивало в этот момент. Единственное, что давало ему уверенность сейчас, так это сама «Руби» и то, что с ним были его верные помощники, без которых он был бы как без рук. Наконец, снаряд был заряжен, а прицел наведён прямо на окно, из которого слышалась стрекотня адской печатной машинки.

– Выстрел!

Грохот раскатился по всей улице, резко перекрыв треск пулемёта. На миг всё затихло, но затем звуки снова вернулись в мир. Это был всё тот же гул, всё те же выстрелы, но сейчас чего-то как будто не хватало. Машина смерти, торчащая из окна, замолкла. Точнее, её, скорее всего вообще не осталось, как и самого окна. Вместо него в стене была большая дыра. Получив передышку, пехота вынырнула из-за танка и рванула к ближайшим укрытиям. События опять понеслись с колоссальной скоростью. Вот Ральф и Пауль разворачивают свой пулемёт в сторону неприятеля, Берн что-то истошно вопит им, за другим бруствером прижимаются к земле стрелки Анна и Гретель, укрываясь от подавляющего огня. Рудольф, Агнесс и Марго забегают в ближайший дом, и поднимаются на второй этаж, из окна которого скоро начинают слышится винтовочные выстрелы. Часть взвода осталась за танком, и ведёт огонь из-за него. События откладываются в голове короткими стоп-кадрами. Лишь башня танка медленно поворачивается в сторону имперцев и раздаётся ещё один громогласный аргумент «крошки Руби». Это продолжается ещё минут пятнадцать, а может быть и целый час. Они стреляют, и в них стреляют. Приближаются сумерки. Стрельба постепенно стихает, а позади взвода слышится гул двигателя.

– О-го-го, смотрите-ка, это же ребята из 37-го! – раздаётся голос сзади. Там к ребятам идёт другое подразделение. Лейтенант Берн выходит к ним навстречу и отдаёт честь. Командир вновь прибывших приветствует его по уставу.

– 5-ый взвод мотопехоты. Лейтенант Криг. Нам приказано продвигаться дальше этой улицы. Я смотрю, задали вы им перцу. Не такие вы и безнадёжные, добровольцы.

Ребята из 37-го смотрят на армейца совершенно пустыми глазами. Регулярная армия всегда с вызовом относилась к добровольческим силам, считая их ниже себя. Только вот почему-то в этот раз в мясорубку отправили именно добровольцев, а не закалённых в боях армейских псов. Ответа на своё острое замечание лейтенант Криг не получает и предпочитает не задерживаться, оставляя ребят в одиночестве.

Убедившись, что опасности больше нет, Том строит своих людей за танком и проводит переключку. Все в строю, раненых нет. Когда раздаётся фраза: «Раненые и убитые отсутствуют», на лице всех расцветает улыбка. Пауль, который только пять минут назад менял ленту в пулемёте, не выдерживает.

– Ребята, ура! – он обнимает стоящую рядом с собой Марго. Та смотрит на него с удивлением, но затем не выдерживает, улыбается и обнимает его в ответ. У неё из глаз градом катятся слёзы. Видя, что командир не препятствует нарушению приказа «Смирно», весь взвод начинает ликовать. Они выжили, они все сейчас стоят здесь и все живы и здоровы. Это ли не настоящее чудо?

– Взвод, закрепиться на этой стороне улицы, приготовить позицию к обороне!

– Есть, сэр!

Веселье временно прекратилось, и закипела работа. Парни начали таскать мешки с песком и укреплять позицию, в то время как девушки раскладывали вещи всех так, чтобы их не зацепило при обстреле или атаке. Они заботливо перекалывают мешки с места на место. У

них до сих пор мокрые глаза, у них до сих пор трясутся руки. Изредка одна из них, утирает слёзы, которые мешают видеть, и всхлипывает. Танковый экипаж устраивает «крошку Руби» так, чтобы простреливать как можно больше пространства. После всех приготовлений, они садятся ужинать. Им как раз поднесли еду. Но еда идёт плохо, никто не может положить себе ложку в рот. Берн видит это и подсаживается к ним. Он берёт свою миску и начинает есть полной ложкой. Сначала на него даже не глядят, но затем постепенно, все отмирают и тоже берутся за еду. Медленно и без особого вкуса они съедают всё. Пример командира очень заразителен.

После ужина Томас расставляет часовых и назначает смены каждые три часа. Все, кроме сменщиков ложатся спать. Пауль сидит у своего пулемёта и перебирает ленту с патронами. Пауль всегда был на третьих местах в классе. Он не очень хорошо учился, частенько не выполнял домашних заданий и списывал у кого-то на контрольных. С виду он был самым обычным троечником. Только вот душа у него была необычайно добрая. Он абсолютно без стеснения уступал места старшим в общественном транспорте, он без страха заступался за слабых, если это требовалось, он очень любит природу. Пожалуй, единственный предмет, который он учил хорошо – это биология. Эти уроки он просто обожал, всегда был на них прилежным и внимательным. Во всех остальных отношениях он был редкостным бездельником. Большую часть своей бурной деятельности он разводил лишь бы не делать то, что действительно надо. Но вот ради класса он был готов на всё. Да, он иногда посмеивался над всеми, иногда это даже выходило за некоторые рамки и ему объявляли бойкот. Но в глубине души и он и класс любили друг друга. Когда всеми было принято решение идти на войну за Родину, он, не колеблясь, пошёл со всеми. Он специально пошёл в пулемётчики, чтобы иметь возможность прикрывать своих ребят, подавляя огнём вражеские позиции. Сегодня он узнал на деле, каково это. Сегодня он действительно понял. Насколько он любит их всех, он был готов самолично подставить под тот пулемёт, что стрелял из окна, лишь бы это спасло жизни остальных. С этими размышлениями Пауль сидел и продолжал раз за разом перебирать один и тот же фрагмент ленты.

Тут он услышал тихий стон и всхлипывание из-за танка. Юноша огляделся и, убедившись, что никто не видит, пошёл на звук. Там за «крошкой Руби» сидела Лина и тихо плакала, прикрывая лицо руками. Её всю трясло от волнения, а рукава формы промокли от слёз, которые она утирала ими. Она не замечала присутствия товарища, она просто безудержно рыдала, закусывая губы, чтобы никто не услышал её плача. Пауль озадаченно рассматривал её, а затем сел с нею рядом и обнял за плечи. В тот же миг девушка очнулась и посмотрела на него.

– Пауль...ты...

Он ничего не ответил, а лишь прижал её к себе. Несколько секунд Лина как будто бы колебалась, а затем крепко прижалась к нему и уткнулась лицом в его грудь. На неё накатила новая волна слёз, но трясло её уже чуть-чуть меньше. Юноша снял с пояса флягу, открыл её и влил в рот девушки немного чая с ромом. Это немного успокоило её. Делая судорожные глотки, она успокаивалась. Не дожидаясь нового приступа слёз, Пауль взял её на руки и понёс к своему посту.

– Пауль...Пауль...Как же так? Что мы наделали, Пауль? Ты видел их? Ты видел то окно? Я видела людей там, а потом...что с ними стало? Скажи мне, что с ними? Неужели...я...их...

– Не надо, Лина... Не думай об этом. Ты не виновата, что так произошло. Никто из нас и из них не виноват. Ты просто выполняла приказ, они просто выполняли приказ...

– Зачем? Зачем это всё происходит? ...Пауль... Не отпускай, не отпускай меня, прошу... Иначе я просто не выдержу.

Они сидели у пулемётной точки. Юноша держал Лину у себя на руках, а она говорила и говорила. Она рассказывала обо всём, что чувствовала в этот момент, о безумной боли и страхе, но голос её постепенно затихал, становился слабее. Она и сама не заметила, как заснула у друга на руках. Пауль понимал, как она обессилена и сломлена в этот момент. Если бы сейчас

начался бой, Лина, наверное, не смогла бы пережить его. Однако всё было спокойно, и лишь артиллерия где-то вдалеке устанавливала своё господство.

– Вы это чего? – Ральф сонно стоял над ними и пытался разобраться, что происходит. Ральф не отличался острым умом и хорошим пониманием, но обладал чувством такта, поэтому ограничил своё любопытство лишь простым вопросом. Пауль, уже почти засну, вернулся в этот мир и посмотрел на брата по оружию.

– Ничего, давай заступай на дежурство, а я вздремну.

– Прямо так? С ней?

– Только попробуй её разбудить, она и так сегодня пережила немало. Пусть отдохнёт так, как может.

– Ладно-ладно, чего заводиться-то сразу? Сказал бы не лезть, я бы не лез.

Глаза у Пауля снова начали слипаться, чему он теперь не стал мешать. В последний миг, перед тем как заснуть он заметил про себя, что почему-то испытывает колоссальное облегчение от того, что смог выслушать Лину. Наверное, его и самого мучило бы что-то подобное, если бы он не мог ни с кем этим поделиться. А так, он был уже не один, он почувствовал, что может доверить свои мысли этой маленькой хрупкой девочке в очках.

Когда Пауля разбудили, Лины на его руках уже не было. Командир приказал им собраться вместе и стал объяснять положение дел. Выходило так, что основные бои сейчас должны были идти на мосту через реку, что протекала через город. Уже сейчас с той стороны были слышны выстрелы и крики. Этот мост был желаемой целью для обеих сторон, ведь это был единственный способ перебросить танки на другую сторону реки в данном районе. Перед 37-ым взводом стояла задача поддержать наступление на мосту, прорваться на ту сторону и закрепиться для отражения возможных контратак.

Через полчаса после этой вводной они выдвинулись к мосту. То, что раньше было красивыми набережными, сейчас представляло собой ошетилившиеся пушками и пулемётами берега. Речка была не очень широкой, поэтому два берега регулярно обменивались залпами в сторону друг друга.

– Всем пригнуться и следовать за танком! – крикнул Берн, когда они вышли на набережную. Он прекрасно понимал, что именно здесь, как нигде больше, легко поймать случайную пулю или попасть в прицел вражеского снайпера. Сейчас был как раз перерыв между контратаками. В последнем броске на позиции врага галатийцы потеряли немало людей, и оборона имела серьёзные бреши. Командир роты, что стояла здесь в обороне, быстро расположил ребят из 37-го у подхода к мосту. Никто здесь особо не церемонился. На вражеском берегу уже началось подозрительное движение, скоро они должны были предпринять свой бросок на линию обороны противника.

Пауль и Ральф установили пулемёт у края моста таким образом, что теперь они могли простреливать очень большое пространство. Ожидание было почти смертельно. Казалось, что минуты растягиваются в часы, а атака всё не начиналась. Пауль отёр пот со лба и поправил каску.

– Чёрт возьми, да когда они уже, наконец, начнут?

– Без моей команды огонь не открывать, – раздался над его ухом голос Берна. Пауль обернулся на него, но тут же вернулся к наблюдению за той стороной моста.

– Так точно, – не отрываясь от прицела, ответил он. Всё в нём сейчас было напряжено до предела, в горле пересохло, и из-за этого голос был хрипловатым.

– Проверь ленту, – Берн не собирался уходить от них ни на шаг. Однако это назойливое и беспокоящее присутствие хорошо отвлекало Пауля от мыслей о том, что скоро на этом мосту должен был начаться настоящий ад. Мост и без того уже был завален трупами и парой останков от танковых корпусов, непонятно было то, как опоры ещё не рухнули под таким количеством мёртвых. Пауль монотонно проверил ленту в патроннике. Это его немного успокоило.

И тут, как раз тогда, когда наступило это секундное спокойствие, на той стороне всё затихло, раздался крик, и из-за брустверов поднялась целая волна людей. Под дружный боевой клич они понеслись на позиции галатийцев. В этот момент Пауль почувствовал себя таким маленьким и одиноким, словно вокруг не было ни одного живого человека, а перед ним были не люди, а безжалостный шторм. Его сердце ушло в этот момент в самые дальние уголки его тела. Он было дёрнулся от прицела, но тут же прильнул к нему снова, потому что мельком увидел лица своих товарищей, и они вернули ему силы. Он не один, у него всегда есть те, на кого можно положиться, кому можно доверять. Тут же он вспомнил, как этой ночью успокаивал Лину, и ему совсем расхотелось уходить отсюда, ведь и она была сейчас тут. Неужели он бы смог отступить и оставить её, Ральфа, Георга, Марго и Агнесс, да даже самого командира Берна? Нет, он не для того пошёл на войну, не чтобы убежать и прятаться. Он пришёл сюда, чтобы сражаться за своих друзей и близких!

Из этих мыслей его выбил звук первого выстрела. Он вовремя напомнил Паулю, что бой только начался и отвлекаться тут просто опасно. Юноша мельком глянул на командира, который сидел рядом с ними и держал наготове свою винтовку. Ряды наступающих быстро приближались, слышалась стрельба из лёгких орудий, что стояли вдоль берега и рвали на части их построение. Где-то рядом давала залпы «Руби», прикрывая свои железным телом тех, кто в скором времени должен был пойти в ответный бросок. Воздух уже был наполнен гарью и запахом пороха. Но это было только начало.

Тот момент Пауль никогда не забудет. Потом этот момент будет вспоминаться ему даже после окончания войны. Пройдёт много лет, Пауль состарится, но он будет помнить всё до мельчайших подробностей. Он будет помнить, как тяжело дышал в ту минуту, как кровь била в голову, и как раздался крик Томаса. Он не забудет никогда, как нажал в тот миг на гашетку, как первые гильзы полетели на грязный асфальт. А ещё лицо того человека, что шел в первом ряду наступающих. Он был не молод, но и не стар. У него были пышные усы, морщины на лбу. Он не кричал, как остальные, он размеренно бежал, стиснув зубы так, что это было хорошо видно. Пауль будет помнить, как медленно, кажется даже нарочито неспешно, пуля летела к этому человеку, как она прошила его грудь. Пауль видит, как из его груди вылетает фонтан крови, забрызгивая всё вокруг. Ему кажется, что из человека не может вылиться столько крови за раз, её столько, что появляется мысль, будто этой кровью можно наполнить хорошее ведро. А человек падает, падает, падает. Он опускается на колени, а затем медленно утыкается лицом в брусчатку моста. Больше Пауль ничего не видит, он только жмёт на гашетку и слушает, как раздаются удары его сердца. Чудится, будто сердце, как пулемёт, бьётся быстро-быстро, в унисон с безжалостной стрекотнёй машины смерти. Только резкий звон, означающий, что лента закончилась, заставляет Пауля прийти в себя. Он открывает короб для патронов и вынимает отстрелянную ленту, Ральф тут же заряжает пулемёт по новой.

– Не стрелять!!!

На этот раз поднимается волна с их стороны. Возглавляет контратаку танк 37-го взвода. Георг молится о том, чтобы не попасть под огонь противотанковых орудий прямо на мосту, где даже выбраться из подбитой машины такое же самоубийством, как и остаться гореть в ней заживо. В свою смотровую щель он видит, как навстречу поднимаются силы имперцев. Навстречу «Руби» движется лёгкая Крыса противника. Бетке в этот момент нервно сглатывает. Там, снаружи танка сейчас явно будет рукопашная, а ему надо как можно скорее уйти с простреливаемого пространства. Только тогда он сможет схватиться с Крысой в равном бою.

– Механик, жми!!! Прорвать их оборону!

Катерина послушно давит на газ и врзается прямо в середину построения противника. Солдаты врага в шоке бегут с пути танка, но это не спасает некоторых из них от судьбы быть задавленными насмерть. Прямо на ходу Георг отправляет во вражеский танк бронейбойный снаряд, однако тот проходит мимо. Они и сами не заметили, как оказались по другую сторону

реки. В корпус с глухим стуком ударяется очередь из 25-мм пушки Крысы. Таким калибром броню Горностая не пробить, но подставляться лишний раз тоже не стоит. Начинается танковая дуэль.

В это время на мосту царит настоящий хаос. Закончилось время переброски снарядами. Тут царят правила настоящей рукопашной. Убей или будешь убит! Несколько десятков человек с обеих сторон рвут друг другу глотки в кровавой поножовщине. Берн следит за тем, чтобы его ребята держались вместе и не лезли в самую гущу боя, тем не менее, они тоже принимают удар на себя. В тылу остались лишь пулемётчики, которые готовы в любой момент, если что-то пойдёт не так, прикрыть своих огнём. Прямо сейчас перед Томом какой-то имперский рядовой. Он держит в руках винтовку с примкнутым штыком и пытается нанести Берну укол в живот. Лейтенант держится от него на расстоянии, стараясь не угодить под очередной выпад противника. Но в какой-то момент солдата противника сбивают с ног и тот летит прямо на Берна, выронив из рук винтовку. Удар сверху наотмашь. Заточенная сапёрная лопатка рассекает каску и череп бедолаге, а Берна окатывает кровью, словно её выплеснули из чашки. Следующий противник получает выстрел из пистолета прямо в лицо и падает замертво. Тут кто-то наваливается на лейтенанта и прижимает его к земле. Томаса начинают душить, и он не может выбраться из этой хватки. Его спасает лишь то, что этого нападающего, которого командир 37-го не успевает разглядеть, сверху закалывают штыком. Агнесс помогает командиру выбраться из-под мёртвого тела. И так с каждым, и так каждый. Кто-то успевает стрелять, не подпуская к себе противника, кто-то берётся за нож или сапёрную лопатку, кто-то орудует штыком и прикладом. В конце концов, на помощь к галатийцам приходит «крошка Руби». Её дуэль с Крысой закончилась в её пользу, и теперь она расстреливает тылы имперцев, не давая им опомниться. Через пятнадцать минут всё заканчивается. Мост взят ценой огромных потерь. Пауль и Ральф спешат присоединиться к своим на той стороне. Когда они вновь стоят на построении, многие пошатываются даже при команде «смирно», все они забрызганы кровью, кто-то уже перебинтован на скорую руку. Но они всё ещё все в строю. Тут же при проверке им приходит сообщение о том, что их работа на данном участке фронта закончена. Их отзывают в тыл, сменяя другой частью из добровольцев. Война, наконец, отпустила их из своих объятий.

Они возвращаются на окраины Рамса. Побитые, уставшие, измученные. Раненые отправляются в полевой госпиталь, а все остальные растягиваются рядом с танком и тут же засыпают, оставляя на завтра все свои переживания и беды. Они выжили в первом знакомстве с войной, они увидели, как это, почувствовали на своей шкуре. Но что же ждёт их завтра?

Глава II

Ночью Агнесс не спится. Хотя она ужасно устала за этот, полный событиями, день, она не может сомкнуть глаз. Она идёт в полевой лазарет, чтобы хоть немного отвлечься от мрачных мыслей и посмотреть, как там Анна и Марго. В бою на мосту обе девушки получили колотые ранения, возможно, теперь их отправят домой.

Полевой лазарет – особое место. Здесь даже воздух какой-то болезненный, наполненный болью и страданием. Кроме того, он пропитан спиртом и запахами гноя, лекарств и крови. Под навесом располагаются импровизированные койки, здесь всё сделано на скорую руку, санитарные части ещё не полностью подтянулись из тыла сюда, на третью линию передовой. Совсем рядом слышен звон инструментов и короткие команды врача. Это под соседним навесом идёт операция. Агнесс опасливо озирается по сторонам и ищет кого-нибудь из санитаров, чтобы тот помог ей отыскать койки друзей.

– Вам что-то нужно? – окликает её сзади неприятный голос. Девушка оборачивается и смотрит на санитаря. Кажется, что это совсем юнец, не старше самой Агнесс, но вид у этого

юнца такой, словно он поймал девушку за воровством бинтов или морфия. Хозяйским шагом он подходит к ней и смеряет взглядом.

– Так что Вы хотели?

– Я, – девушка растерялась, но тут же взяла себя в руки. С чего это она должна бояться какого-то рядового санитаря, который и в бою-то, небось, не был, а уже строит из себя местного главврача. – Я ищу Анну Валентайн и Марго Ли. Проводите меня к их койкам, будьте любезны!

Последняя фраза была сказана с нажимом. Всё-таки девушка была в звании ефрейтора, она могла позволить себе прикрикнуть на зазнавшегося санитаря. Тот от такого напора сначала опешил и хотел было огрызнуться, но вовремя остановился, заметив лычки на погонах собеседницы.

– Пошли, нечего тут кричать, раненым покой нужен, – он жестом позвал Агнесс за собой и пошёл через ряды носилок, которые сейчас играли роль коек.

– Как они? Скоро они поправятся? – тон девушки сменился с командирского на обеспокоенный, даже в чём-то материнский. Хотя она не была близка с этими двумя девушками, она всё равно чувствовала ответственность за них. Хотя бы перед командиром Берном.

– У одной ранение в бедро, кость цела. Марш-броски ей ещё не скоро будут по силам, но в строй она вернётся, – с ленцой в голосе, без особого участия, как бы делая одолжение, говорит санитар. – Вторую выпишут ещё раньше. У неё слегка задето плечо. Их обеих уже заштопали. Пришли бы Вы лучше утром, сейчас от них толка всё равно нет.

Девушку от таких слов чуть не передёрнуло изнутри. Как этот вшивый санитариска может так говорить? Что значит – нет толка? То, что они спят, ещё не значит, что на них нельзя смотреть и радоваться, что они вообще остались целы и так легко отделались. Однако ефрейтор не показала ни толики своего гнева и продолжала идти за хамоватым юнцом.

Наконец, они оказались у коек Марго и Анны. Их носилки стояли рядом, а сами девушки спали. Лица их были бледными, словно из них выкачали часть жизни. Плащ-палатки, которыми они были укрыты, резко вздымались и опускались под прерывистым дыханием спящих. Девушки держались за руки.

– Ну вот, что я говорил – дрыхнут, как сурки...

– Слушай ты, пинцетник, – Агнесс не могла больше сдерживать злобу, он повернулась к санитару и нависла над ним, сжимая кулаки. – Закрой свой поганый рот и иди к чертям отсюда, пока я не наваляла тебе по первое число! Эти девочки были в такой мясорубке, которую ты себе и представить не можешь, пока ты тут грелся.

– Смотрите, какая грозная тут нашлась. А ну, убирайся вон, время приёма посетителей строго регламентировано. И не думай, что раз ефрейтор, то мною командовать можешь. Надо мной есть начальство и посуровее тебя.

– Что тут за шум? Вы что себе позволяете в лазарете? – со стороны операционной к ним приближалась фигура в длинном халате. Лицо врача было закрыто маской, а на руках всё ещё были окровавленные перчатки. Из операционной тем временем уже выносили прооперированного солдата.

– Да вот, добровольцы побывали в первом бою и зазнались. Приходят, когда захотят, ругаются, угрожают, – мерзкий санитар чуть ли не приплясывал от восторга. Разумеется, врач был старше Агнесс по званию и спокойно мог выдворить её из лазарета, к великой радости своего подчинённого.

– Что Вам понадобилось в лазарете сейчас, ефрейтор? На дворе ночь давно, раненым нужен сон и покой в это время. Если хотите навестить кого-то, приходите завтра после обеда, в приёмные часы.

– Прошу прощения, господин врач, – девушка потупилась, глядя на койки однополчанок. – Я действительно нарушила режим посещения, – тут она подняла голову, её голос стал

твёрже. – Но это вовсе не даёт вашим санитарам права язвить и издеваться над положением моих подчинённых. К тому же, Ваш подчинённый сам согласился проводить меня сюда.

– То есть, Вы хотите сказать, что виноват рядовой-санитар Троске?

– Я считаю, что он не проявил уважения к положению моих подчинённых.

– И что в связи с этим?

– Я прошу Вас, как его непосредственного командира, применить к нему...

– Послушайте сюда, ефрейтор. Здесь никто не обязан выказывать уважения к Вашей персоне и персонам Ваших подчинённых. Здесь Вам всегда дадут медицинскую помощь, но не более. Это, во-первых. Во-вторых, Вы нарушили правила режимного военного объекта. По уставу я должен доложить об этом Вашему командиру, но так и быть, в этот раз я не буду этого делать. Можете не благодарить за это. Просто развернитесь и шагайте отсюда в расположение вашей части, и постарайтесь уснуть.

– Так точно, – произнесла она сухим тоном, развернулась по-уставному на сто восемьдесят градусов и пошла прочь из лазарета. Всё внутри неё негодовало и кипело. Разум подсказывал ей, что доктор прав и обошёлся с ней даже мягко, но в душе она была совершенно не согласна с этим решением. Казалось бы, в военном лагере она видела столько несправедливости и дедовщины, но так и не смогла привыкнуть к ней до конца.

У места расположения взвода её встречает Томас. Вид командира придаёт ей немного сил. Она тут же распрямляется из слегка сутулой позы, бодро поднимает голову, и кажется, будто той сцены в лазарете как ни бывало.

– Не спится? – Берн обращается к девушке без уставного тона и обращений по форме. Сейчас они вроде как не солдаты, несмотря на то, что одеты в форму и находятся на линии фронта. Вся эта казарменная уставщина на передовой, даже на третьей линии, пропадает. Здесь начинаются совершенно иные отношения. Эти отношения держаться не столько на том, у кого сколько лычек и звёзд, а на том, кто больше понимает и знает о том, что происходит. Разумеется, тут остаются командиры и подчинённые, но здесь их различия во многом стираются за счёт присутствия рядом неумолимой и беспощадной смерти.

Перед командиром Агнесс слегка робеет, поэтому и старается казаться бодрой. Сейчас эта робость смущает девушку. Она могла бы снести сотню выговоров от того доктора или же десятки насмешек от вредного санитаря, но сейчас она не в силах вынести и одного строгого взгляда Берна. С самого начала этот человек глубоко врезался в её мысли. Поначалу для Агнесс-школьницы он показался кем-то больше, чем просто человек. Это был ветеран, причём герой войны, который прошёл огонь и воду, который даже был по-настоящему ранен, но не был сломлен. Она смотрела на него со скрываемым восторгом и пообещала себе, что будет стремиться к тому, чтобы стать равной ему во всём. И это были не пустые слова или просто мечты. Агнесс была человеком дела, она старалась всегда достигать поставленных целей. Это было заметно по ней ещё в школе. Хотя она не была отличницей, она всегда добивалась нужного ей результата. Да, не всегда это хорошо сказывалось на её одноклассниках, иногда это даже вызывало негодование и возмущение, однако никто не мог не восхищаться её способностью прошибать головой преграды на пути к чему-то заветному.

Вот и на этот раз она решительно устремилась к цели, желая, во что бы то ни стало, сравняться во всём со своим командиром. Очень скоро ей не было равных в стрелковых упражнениях. Ещё через какое-то время и сборка винтовки стала для неё лёгким делом. По части физической подготовки ей было сложно превзойти Пауля и Георга, но добраться до их уровня она всё-таки сумела. Но командиру Берну было словно всё равно. Все попытки девушки привлечь его внимание уходили в никуда. Причём, надо отдать Агнесс должное: все эти попытки совершенно не входили в список заигрываний или выслуживания. Она сама хотела вести честную игру и не позволяла себе никаких вольностей. Эта неприступность Томаса делала его ещё более интересным, она буквально-таки притягивала девушку. Иногда она замечала за собой,

как замирает её сердце, когда Берн обращался к ней лично. Хотя, за этими чувствами она не забывала, где они находятся и что тут происходит. Она понимала, какая пропасть находится между ними, и что, скорее всего, для командира Тома она навсегда останется всего лишь одной из 37-го взвода. Эти мысли её сильно огорчали, но сдаваться Агнесс не собиралась. Всё-таки она поставила себе цель стать такой же, как её лейтенант. Это значило, что отступить было нельзя.

Её старания были вознаграждены совершенно внезапно в самый последний день их подготовки, перед самой отправкой на фронт. Томас, как обычно, построил взвод и провёл переключку. Затем он объявил, что через день они все отправятся на передовую. Тут он вызвал Агнесс из строя и при всех назначил её своим помощником. Дальше шли ещё какие-то назначения, но их бывшая школьница слышала лишь отчасти.

– Тебе не спится? – повторил свой вопрос Берн. Агнесс тряхнула головой, возвращаясь из воспоминаний о недалёком прошлом, и посмотрела на лейтенанта.

– Когда нас бросят на первую линию в следующий раз?

– В ближайшее время, поэтому советую тебе поспать. Очень скоро ты будешь сильно жалеть, что не использовала это время с пользой.

– Можно вопрос?

– Да, задавай.

– А почему Вы не спите-то? Вам ведь сегодня сильно досталось на мосту...

– Да, досталось..., – Том ненадолго задумался. – Спасибо тебе, что вытащила. Ты часом не из-за этого беспокоишься? Первая рукопашная всегда след оставляет, сколько бы ты к этому не готовился.

– Я больше за ребят. Особенно за раненых...

– Ты ведь из лазарета шла, да?

– Да, – девушка потупилась, вспоминая разнос от доктора.

– Тебе сейчас может показаться жестоким, то, что сейчас скажу, но ты постарайся относиться к этому легче. Может быть, тебе сейчас кажется невероятным, что кто-то из твоих одноклассников был ранен, но это война, тут всё, что угодно может случиться. И очень частое явление тут – смерть. Вам всем ещё предстоит понять, что это такое. И это вы поймёте не тогда, когда начнёте стрелять по врагу, а когда похороните первого товарища, – Берн говорил медленно, с расстановкой и очень вкрадчиво. – Да, сейчас тебе кажется, что вы все будете вместе, до конца, до победы, но... – он вздохнул. – Я не говорю, что так обязательно будет, но надо быть к этому готовым.

– Я... – попыталась начать Агнесс.

– Нет, не понимаешь. Пока что не понимаешь. Но обязательно поймёшь.

– Лейтенант, а Вам приходилось хоронить товарищей?

– Да, приходилось, – коротко ответил Томас, его тон резко изменился. – А бывало и так, что приходилось оставлять умирать на поле боя.

В этот момент Том вспомнил первые дни этой войны. Те весенние дни, когда он с его взводом оставляли высоту за высотой, медленно отступая вглубь страны. Как в те дни мелькали перед ним лица его однополчан. Они уходили и приходили, одни умирали в бою, другие приходили им на смену, чтобы умереть через пару суток, и чтобы на их места пришли третьи. Так продолжалось пару месяцев, пока сам Берн не пал жертвой осколка, и его не отправили в тыл на лечение.

– Командир?

– Ложись, Агнесс, – лейтенант посмотрел на подчинённую скорее, как на друга, нежели как на ефрейтора. – До побудки совсем чуть-чуть осталось, ты мне нужна отдохнувшей. Возможно, что на первую линию нас отправят уже этим днём.

– Хорошо, я постараюсь уснуть.

Она попросилась с командиром и пошла в окоп, где полулежа, спали её товарищи. Она окинула их всех взглядом, посмотрела на их спящие лица. Нет, она не могла, не могла вот так просто принять то, что, возможно, очень скоро кого-то из них не станет. Кто-то уйдёт, а на его место поставят нового, совершенно неизвестного человека. Она так красочно и так образно представила это, что у неё на глазах навернулись слёзы. Чтобы не дать им воли, она закусил губу и сжала ладони в кулаки, протирая глаза. Один из силуэтов под плащ-палаткой зашевелился. Заметив это, Агнесс быстро утёрла проступившие слёзы и легла рядом с ними, укрываясь частью плащ-палатки и подкладывая под голову каску. Сон медленно приходит к ней, хотя девушку всё ещё трясёт от нахлынувших переживаний.

Пробуждение оказывается просто мукой. Кажется, что прошло меньше минуты с тех пор, как она закрыла глаза, однако, на дворе полдень и командир Берн лично пришёл будить свою помощницу. Он особо не церемонится и легонько хлопает её по щекам. Однако даже после этих мер Агнесс с трудом соображает, что к чему. Через какое-то время до неё доходит смысл того, что пытается втолковать ей лейтенант. Им велено находиться при госпитале до выздоровления однополчан и до окончания ремонта танка. Что с «Руби» не так, он не объясняет. Днём у Агнесс появляется свободное время, и она хочет навестить своих товарищей в госпитале. Противного санитаря и вчерашнего доктора она не видит. Марго лежит на койке. Сидеть и ходить ей больно, а Анну уже готовят к выписке, её состояние удовлетворяет врачей, и они не видят смысла занимать койку, учитывая, что лишних мест в лазарете нет. Настроение у девушек хорошее, они рады, что не придётся долго лежать среди больных, они рады даже тому, что просто выжили. Однако под этой радостью Агнесс распознаёт сильное напряжение. Ей кажется, что подруги улыбаются как-то натянуто и неестественно, словно прячут что-то. Ефрейтор и Анна сидят с Марго и обнадёживают её. Они стараются отвлечь девушку от мыслей о ранении и о вчерашнем бое, но всё это похоже на какое-то враньё, которое все видят, но делают вид, что не замечают.

В конце концов, Марго говорит, что хочет спать и просит их оставить её. Подруги желают ей выздоровления и уходят. Во взводе все заняты своими делами. Сейчас, в определённой дали от передовой они могут вздохнуть свободно и не думать о бедах и горе. Анна просит Агнесс пойти с ней в столовую, составить компанию, благо новых дел у ефрейтора не появляется. Там они садятся за стол, получив свои порции фасоли.

– Как думаешь, – начинает Анна. – Марго скоро выпишут?

– Конечно, у неё ведь всё цело, просто порез, который они уже зашили.

– Значит, нас скоро могут отправить снова туда?

– Да, – вздыхает Агнесс. – Могут.

– Я не хочу, – девушка тихо всхлипывает. Она даже не притронулась к еде, она только перемешивает фасоль ложкой. – Несс, мне страшно... Я не хочу туда. Ты ведь видела, что там. Там... там... Ты помнишь, что было на мосту? Я убила человека! Он оказался передо мной, и я просто выстрелила... Он умер, ты понимаешь!

– Тише, не кричи, – старается успокоить подругу Агнесс. Она боится, что их могут услышать. Среди солдат уже ходили слухи о военной полиции, которая пресекает любые пораженческие настроения и разговоры. Но девушка не может успокоиться, она плачет, прикрывая лицо рукой.

– Я не хочу, не хочу, – иступленно повторяет она. – Только не туда, только не снова.

Подруга смотрит на неё, но ничего не говорит. Да и что тут скажешь? Это ведь и в самом деле не просто. Это то, что не требует никаких объяснений или слов. Все они, так или иначе, переживают это. На передовой для этих мыслей нет времени и места, там всё подчинено инстинкту выживания и выполнению приказов. По сути, все приказы там направлены именно на выживание. Прятаться, чтобы не убили, стрелять, чтобы не выстрелили в тебя, наступать, чтобы не пришли с той стороны. А когда они вырываются их этого страшного водоворота, когда

к ним приходят мысли и осознание, начинается самое страшное. Кто-то плачет, кто-то шутит, кто-то играет в карты, кто-то занимает себя сторонними делами. У каждого из них отныне будет это. И вот сейчас Анна плачет и просит не посылать её снова на передовую. Агнесс смотрит на неё и в глубине души понимает. Через какое-то время Анна берёт себя в руки и успокаивается, принимаясь за фасоль. Её лицо влажно от слёз, глаза покраснели, но она не обращает на это внимания.

После еды Агнесс ведёт подругу умыться и оставляет, возвращаясь к своим обязанностям. Она идёт в мастерскую, где осведомляется о ходе ремонта танка, и получает ответ, что работы займут ещё несколько дней. Это её радует, у ребят будет хоть немного времени, чтобы отойти от своего первого боя. После она проходит по всей территории, встречает однополчан и интересуется об их состоянии. Все говорят примерно одно: всё в порядке, жалоб нет. Кто-то сидит в компании, кто-то один, они все стараются перенести то, что с ними произошло.

Вечером построение и переключка. Все на месте, отсутствующих нет. Простая процедура не занимает много времени, все отправляются отдыхать. Том идёт в свою палатку. Там он достаёт небольшой блокнот и записывает события последних дней. Это его привычка, которая осталась с поступления в армию. Том не всегда был таким, какой он сейчас. Когда-то это был очень романтичный и чувствующий человек. Когда он попал в армию, то был так шокирован всем, что он увидел, что принялся выплёскивать все переживания в блокнот. Сначала над этим посмеивались, его подкалывали сослуживцы, несколько раз доходило до открытых конфликтов, но Берн не отошёл от этой привычки. Армия закалила его, дала ему ориентиры в жизни, определила его будущее. Она выковала из него сильного, волевого командира, но не смогла полностью изменить его натуры. И Том продолжил вести свои записи даже после того, как началась война. Простым, понятным языком он описывал всё, что происходило с ним. Это его успокаивало, это приносило в жизнь немного уверенности и твёрдости.

В блокноте Берн хранит не только свои мысли. Там, среди жёлтых страниц ему попадает фотография его семьи, фотографии его однополчан, письма. Берн стоит над столом и смотрит на это небольшое имущество. Военная жизнь в какой-то момент отпустила его. Он смотрит на лица на фотографиях, он смотрит на беглые строки. Он стоит и не может ничего сказать. Словно они все стоят тут и смотрят на него. Они не укоряют его, но винят, конечно, но он чувствует вину. Он вспоминает старую, но очень точную фразу: «Павшие на поле брани не проигрывают сражения». В какой-то степени он завидует им. Для них это всё уже позади. А ему ещё предстоит встретиться с этим. Он собирает бумаги и убирает их в блокнот. Минута пребывания наедине с совестью закончилась. Том медленно приходит в себя. Он гасит огарок свечи, и ложиться спать. Он долго ещё не может заснуть, но всё-таки сон накрывает его.

В следующие дни ничего не происходит, где-то далеко гудит фронт, ребята отдыхают так, как только могут. Иногда начальство напоминает о себе, и их заставляют заниматься построениями, шагистикой и прочей рутинной работой. Однако через неделю это заканчивается. Марго выпивают из лазарета, заканчивается ремонт танка, и командование быстро пускает ребят в оборот. Их снова отправляют на передовую. Дела на фронте стали заметно лучше, Империя была отброшена за Рамс, и бои перешли из городских кварталов на ровную, просторную местность. Там всё решают манёвренные танковые подразделения и артиллерия. 37-ой взвод направляют на передовую, чтобы он принял участие в общем наступлении.

– 37-ой взвод, приготовиться!

Этот крик заставил всех напрячься. Перед ними простиралось огромное поле, залитое огнём, и этот крик должен был бросить их в этот ад. Каждый из них, должно быть, отсчитывал про себя секунды в этот момент. Они видели уже битву, но разве к этому можно будет когда-нибудь привыкнуть? Даже если они будут воевать всю их жизнь, они никогда не смогут привыкнуть к этому чувству, что засело сейчас в душе каждого. Когда выстрелы замедляют время,

а разрывы превращают гул фронта в одну сплошную тишину, когда сердце сжимается в груди, а мысли исчезают из головы прочь.

– 37-ой взвод!!!! В атаку! Пошли, пошли, пошли!

И вот сейчас. Прямо в эту минуту всё замолкает, словно оркестр войны останавливается, чтобы молчанием встретить новых действующих лиц. Тело такое лёгкое, но в тоже время ноги его совсем не несут. Кажется, что вот сейчас ты возьмёшь и полетишь. Перед глазами пляшут разноцветные пятна, в голове отдаётся стук твоих же сапог по сухой земле. Сто метров, двести, триста... И тут совсем рядом с Томом раздаётся разрыв, который возвращает лейтенанта к реальности. Они уже попали в зону обстрела вражеской артиллерии. Впереди уже чётко видны силуэты вражеских танков, а вокруг них одни воронки. Берн оборачивается к своим солдатам, которые в таком же исступлении продолжают бежать.

– Рассредоточиться! Быстро в воронки!

В глазах у ребят пробегает искра сознания. Они все в ту же минуту бросаются врассыпную, приликая к земле. Сам командир отряда в следующую же секунду скатывается в соседнюю воронку, где сидят пулемётчики Пауль и Ральф, а также Рене и Морт. Сверху уже раздаётся стон фугасных снарядов, которые начинают сравнивать с землёй всё, что движется. Где-то рядом слышится, как стреляет «Руби».

В танке посреди этого горящего поля стоит дикая духота. Рёв мотора слегка заглушает звуки разрывов, но сквозь него слышно, как осколки фугасов с диким скрежетом стараются прогрызть броню Горностая. Георг, стиснув зубы, высматривает в смотровую щель подходящие цели. Попутно, он не отвлекается от управления танком, то и дело легонько стуча носками сапог по плечам Катерины. Та послушно поворачивает свою крошку в ту или иную сторону, не сбавляя хода. Они понимают, что оставляют своих товарищей там, позади, одних без прикрытия, но в этом бою, чтобы выжить, танку необходимо сохранять ход, иначе толку от брони будет не много.

– Крыса на три часа! Бронебойный заряжен! – докладывает Лина, не отрываясь от прицела. На лице Бетке проскальзывает улыбка. Танк Крыса – довольно лёгкая цель даже для старомодного Горностая. Однако, эти Крысы чертовски маневренны и проворны, а главное – это они наводят вражескую артиллерию на позиции галатийцев. Рассчитаться с такой тварью – счастье для любого танкиста, а тем более для Георга, который понимает, что от этого зависят жизни его друзей из пехоты.

– Залп!

Снаряд с грохотом уходит в цель, а в башне слышится звук выброшенной гильзы. Георг с удовольствием смотрит, как в башне танка противника остаётся внушительная дыра. Теперь пушкам противника будет несколько труднее навестись на позиции Берна, а значит, у ребят больше шансов выжить.

Тем временем огненный шторм над воронками закончился, и Берн понимает, что надо продвигаться дальше. Он резко поднимает своих людей из воронок и мчится в новом марш-броске. До позиций противника ещё около километра, они вошли в зону танкового сражения. Снова следует рассредоточение к разбитым машинам, чтобы укрыться от прямой наводки вражеских танков. Рене со своей огромной противотанковой пушкой, нашла доступную цель и торопит Мортимера, достающего из заплечного короба снаряд. Как хрупкая, худенькая Рене таскает на своих плечах ручное противотанковое орудие – Берну до сих пор не понятно. Но девушка умудряется не только носить его в марш-бросках, но и стрелять из него, выдерживая всю отдачу. Её помощник, Мортимер, низенький юноша, который совсем не тянет на свои восемнадцать лет, ему от силы можно дать лишь шестнадцать. Скромный и застенчивый в повседневной жизни, на поле боя этот парень приобретает феноменальную отчаянность. Он готов идти в огонь и воду за своей напарницей, таща на печках огромный короб со снарядами. Вот орудие заряжено и поставлено на распорки. Рене скрупулёзно целится в ходовую часть

вражеской Лисы, среднего танка, который сейчас сцепился в дуэли с галатийским Бульдогом. У последнего нет шансов против хищного, хорошо бронированного имперца с его 40мм оружием. Выстрел Рене не спасает союзный танк от гибели, но и Лиса теперь не может двигаться. Её участь решается через несколько секунд, когда крупнокалиберный снаряд одного из наступающих танков галатийцев сносит ей башню.

Новая волна наступающих подхватывает с собой и взвод Берна. Снова пробежка на несколько сотен метров и снова рассредоточение. Берн уже видит вражеские окопы, он видит имперские блиндажи, ошестившиеся пулемётами, он почти способен разглядеть глаза под коричневыми касками.

– Примкнуть штыки! За Родину, ребята!

Злые, безжалостные, отбросившие всяческую человечность, они идут на вражеские окопы, чтобы принести горе, страдание и смерть...

– 37-ой взвод, смирно!

Они устали, они обессилены, но все они, как один стоят перед своим командиром. Бой закончен, позиция взята. Над окопами развивается их знамя. Оно вовсе не похоже на тот стяг, что обычно рисуют в кино. Это просто кусок тряпки светло-синего цвета. Он местами прожжён, где-то на нём имеются дыры. Но это их знамя, это то, чем они гордятся, что ведёт их в бой. Переключка проходит как обычно. Раненые и убитые отсутствуют. Перед Берном все двадцать человек в полном составе. Он буквально не верит своим глазам. Все эти ребята живы и здоровы, хотя только что прошли такую мясорубку. Он не мучает их построением. Он понимает, что сейчас им лучше всего будет отдохнуть. Из жестоких и беспощадных солдат они вновь превратились в простых ребят. Они идут к отведённому им блиндажу и рассаживаются в нём. Все молчат. Им нужно чуть-чуть времени, чтобы отойти от этого всего. Им приносят ужин, и только за едой они начинают оживать. За едой начинаются робкие попытки заговорить, но даже самые разговорчивые больше отмалчиваются. Агнесс быстро назначает часовых и объявляет график смен. Часовые без лишних слов заступают на пост.

Наступает ночь. Пауль заступает на дежурство вместо своего второго номера на их огневой точке. Он упорно всматривается в ночную степь. Где-то там, впереди, всего в нескольких сотнях метров от них окопался отброшенный днём противник. Небо над окопами освещается белыми огоньками ракет. Они напоминают огни фейерверка, что бывал когда-то на Новый год у них в городе. Как это было давно. Кажется, что прошло уже несколько лет, хотя на деле не минуло ещё и года с того момента, как они ушли из родного дома. Чтобы как-то себя занять, Пауль достаёт из нагрудного кармана шинели клочок бумаги и маленький карандашик. Грифель упирается в бумагу и долго не может сдвинуться с места. Что же ему написать? С чего начать? О чём рассказать? Наконец, он решается и небрежным почерком выводит первые слова: «Здравствуйте, мои дорогие мама и Эсме...» На секунду рука пулемётчика замирает в раздумьях, а потом принимается мелкими буквами излагать что-то о погоде, о здоровье. О том, где он сейчас находится и в каком положении дела на фронте писать запрещено в целях конспирации, поэтому Пауль ограничивается лишь короткими фразами о том, что всё у него хорошо. Тут юноша останавливается. Хорошо ли у него всё на самом деле? Неделю назад он впервые побывал в бою, неделю назад он впервые убил человека. А ещё несколько часов назад его жизнь висела на волоске под градом снарядов вражеской артиллерии. Пауль смотрит на листок в неуверенности. Всё ли у него хорошо на самом деле? Этот вопрос колом встал у него в голове. «Я жив и здоров, я прошёл через сегодняшнюю мясорубку и остался цел. Мои товарищи остались целы и невредимы...а сегодня на ужин у нас была похлёбка с лапшой и кусочками тушёнки... Вот что теперь для нас за счастье. Разве это мы считали хорошим там, тогда? Тогда нам казалось, что жить – это так обычно, что мы и не замечали этого. Тогда нам казалось, что деликатес – это что-то вроде сладости или мороженого. Какими детьми мы были тогда, как многого не ценили и не понимали...» Он достал из другого кармана небольшую помятую

фотокарточку. На листочке фотографической бумаги было изображено три человека на фоне стены дома, увитой плющом.

Первый – сам Пауль. Совсем юнец в свободной клетчатой рубашке с короткими рукавами и в тёмных брюках школьного образца. Вторая – женщина лет сорока, но очень молодо выглядящая. Она была одета в блузку и длинную юбку до самой земли. Её длинные волосы собраны в пучок, а голова повернута слегка вбок. И третья фигура – девочка лет шести-семи. Платице в клеточку, на ногах босоножки. Все трое выглядят счастливыми, все трое улыбаются.

Пауль проводит пальцем по фотографии, словно поглаживает по голове мать и сестру. Всё ли у него хорошо? Юноша не может ответить на этот вопрос. Тут в темноте окопа раздаются шаги, и Пауль быстро прячет всё, что достал, обратно в карман. Из темноты на свет от ракеты выходит командир взвода.

– Вольно, рядовой, – на ходу бросает он, когда Пауль пытается встать по стойке смирно. – И не поднимай голову высоко, иначе можешь остаться вовсе без неё.

– Так точно, – шёпотом отвечает пулемётчик.

– Всё в порядке?

«О, Господи, почему нельзя было спросить это как-то иначе? Почему именно так?» Однако Пауль, не колеблясь, отвечает, что всё в норме, ничего подозрительного не происходит. Где-то со стороны тыла слышится грохот орудий. Юноша и не заметил за размышлениями, что их дальнобойные пушки начали огневой налёт. Снаряды падают в где-то далеко впереди, перепыхивая новую линию обороны противника. Берн задумчиво рассматривает подчинённого.

– Плохо выглядишь, – коротко замечает он. – Точно всё хорошо?

– Так точно, господин лейтенант, – следует ответ.

Осмотрев позицию и дозорного ещё раз, Томас Берн уходит на проверку остальных постов. Его шаги вскоре утихают.

Новый день начинается с крика «Подъём!», раздающемся в блиндаже, где отдыхает половина взвода. Вслед за этим криком раздаются звуки ближних разрывов. Имперцы начали массированный огневой удар по своим бывшим позициям. Солдаты в спешке хватаются свои каски и обмундирование и занимают места на огневых точках, принакая к стенам окопов. После нескольких часов непрерывного огня артиллерии начинается атака. Наступающие лавиной бросаются на позицию галатийцев и 37-го взвода, который находится как раз на первой линии обороны. Пехота наступает одна, без танков, но зато так отчаянно и рьяно, что только шквальный пулемётный и винтовочный огонь заставляет их замедлить темп наступления, несмотря на то, что командиры всеми силами поднимают своих людей с земли и бросают вперёд под пули. Но этой атаке не суждено прорвать этот рубеж. В ответ на неё из окопов поднимается волна солдат в синих шинелях. За их спинами уже мелькают танки, поддерживающие огнём своих товарищей.

Берн ведёт свой взвод за собой в контратаку. Вот они уже пересекают половину расстояния, отделяющего их от позиций противника. Кажется, что они возьмут её без лишних вопросов и потерь. И только краем глаза в последний момент командир взвода замечает, что на высоте, левее окопов противника появились имперские танки и орудия. Скорее всего, они просто ждали за гребнем высоты своего часа, а затем их выкатили во фланг контратакующим. То, что казалось лёгкой победой, рисковало стать кровавой бойней. Спасение одно – вражеские окопы, но до них бежать ещё с полкилометра. Надо лишь бежать, ни за что не останавливаться.

– Взвод! Не останавливаться! Бегом-бегом-бегом!

Но поздно, первый же залп накрывает волну галатийцев. Снаряды ложатся кучно, прямо в центр наступающей массы. Пока пушки отрабатывают по пехоте, танки ловят в прицел машины наступающих и вышибают их одну за другой. Первый же разрыв оглушает Тома, и он падает на землю. Найти силы, подняться, бежать дальше. Он бегло оглядывается, и видит своих ребят. Кто-то из них продолжает бежать, сломя голову, кто-то поднимается с земли, кого-то подни-

мают товарищи. Вот они и начались. Первые потери такого славного взвода таких славных ребят.

Их обгоняет вторая волна атакующих. И она спасает жизнь всему 37-му взводу, потому что у окопов её встречают плотным ружейным огнём. Из леса, что стоит на правом фланге неприятельских окопов, раздаётся стук пулемёта. Берн колеблется. Вести людей под пули рискованно и бессмысленно, а оставаться на месте равносильно самоубийству.

– Отходим на прежние позиции! Отходим!

Кажется, его услышали, но противник, судя по всему, уже взял на прицел замешкавшийся взвод и расстреливает их сейчас, словно в тире. Прячась за остовами своих горящих танков, перебежками, взвод отступает. И не он один. Третья и четвёртая волна также отходят к своим окопам.

Когда отделение построено в окопе, видно, что далеко не всё так гладко, как кажется на первый взгляд. Семь человек стоят, едва держась на ногах, и Том приказывает как можно скорее отправить их в лазарет. День клонится к вечеру.

Георг смотрел то, что когда-то было прекрасным полем пшеницы. Сейчас поле стало пепелищем. Недавнее танковое сражение, прошедшее там, не оставил после себя ничего, кроме пожара и танковых останков. Там же в грудах железа покоилась ныне «Руби». Танкист мог поклясться, что до сих пор узнаёт её очертания среди всполохов огня, озаряющих поле в наступающих сумерках. Он до сих пор не мог понять, как же это всё произошло. Вот ещё несколько часов назад он сидел на своём месте командира, ещё несколько часов назад он чувствовал, как дышит его машина, как она мчится в бой, как бодро ревёт двигатель. Но всё изменилось в один миг, когда снаряд вражеского танка разнёс их корму в щепки. Железо застонало, как раненная лошадь. Это был совершенно не человеческий, полный боли и отчаяния крик, казалось, что машина действительно жива и действительно чувствует боль. В одну секунду пробитый бак запылал огнём, а в отделение для экипажа проник удушливый дым. И что же теперь делать? Надо что-то предпринимать, ведь он – командир. Надо скорее вылезать, чтобы не сгореть здесь заживо! Но почему в голове так пусто, почему тело не хочет слушаться, почему хочется просто закрыть глаза и навсегда остаться в этом удушливом, горячем месте? Где же он, инстинкт самосохранения? Что дальше происходило? Кто-то открыл люк, схватил Георга за воротник и потащил наверх. Он смотрит на всё это и не понимает, что происходит. Он видит, как кто-то выволакивает его на поле и тащит в сторону от охваченного пламенем танка. Он видит Катерину, её держат сразу трое солдат, а она бьётся в истерике и рвётся к машине. До Бетке доносится её крик, но слова он разбирает с трудом. Единственное, что он может понять, это фраза «Пустите меня к ней!». Но её скручивают и оттаскивают с поля в тыл. Наводчик, Лина, тоже попадает на глаза. Девушка стоит на коленях перед остовом танка, сложив руки в молитвенном жесте, и смотрит высоко в небо, тихо шевеля губами. Она не плачет, она лишь иступленно молит кого-то о чём-то. К ней кто-то подходит и так же, как и Катерину, оттаскивает подальше. Сам Георг поднимается с земли и медленно подходит к «Руби». Ему в лицо дует обжигающий жар, но на это он не обращает внимания. Он кладёт руку на раскалённую броню и не чувствует жара. Он слышит рёв пламени в щелях корпуса. «Нет, это вовсе не пламя, это сама «Руби» плачет... Бедная. Бедная, милая Руби. За что же тебя так». Он ласково гладит боевую подругу, словно бы утешая. Но плач не утихает.

– Уберите его от машины, он же сгорит!

– Что? – Георг оборачивается и видит, как к нему решительно идут Пауль и Ральф. «Нет... Нет, они не могут. Они не имеют права! Это же Руби! Как они могут?!» Он уже было поднимает руки, чтобы протестовать, но тяжёлая рука Ральфа бьёт его в живот. Дыхание у Бетке перехватывает, он с трудом ловит воздух ртом, а его товарищи уже тащат его прочь от горящего остова.

– Нет! – получив немного воздуха, начинает вырываться командир танка. – Оставьте! Она моя! Ей же больно! Больно! Как вы можете!

Но никто его не слушает, ещё один крик, и буйного танкиста оглушают ударом по голове.

И вот теперь он тут. С повязкой на голове, с перебинтованным ожогом на руке. Смотрит на горящее поле в лучах заката. Он жив, да, но лучше бы он сгорел в этом танке. Потому что сейчас он чувствует, что бросил там близкого друга. И он даже не попрощался с ним, не сказал последнего слова, не проводил с почестями, а бросил на растерзание артиллерии, которая превратила поле в рассадник воронок, а остатки танков в груды железного лома.

– Георг, – зовёт его Рене, которой поручили следить за ним. – Пойдём, в лазарете скоро будет обход. Если тебя не окажется на месте, будут проблемы.

Она говорит с ним с искренней добротой и заботой, он понимает это. Но разве она знает, что он чувствует? Как она может запрещать ему смотреть на это поле, на эти останки, на этот пылающий закат? Да, она хочет помочь ему, но что она знает?

– Да, – холодно и отстранённо отвечает Георг после долгой паузы.

– Пошли, – она осторожно берёт его за руку и тянет за собой. Танкист с неохотой повинуется и идёт за ней в лазарет, где вскоре проходит обход. У койки Бетке, Лины и Катерины врач задерживается, но ничего не говорит, лишь расспрашивает их о настроении и самочувствии. В ответ доктор слышит что-то сухое и совершенно невнятное. Позже он подходит к командиру взвода.

– Они не годны к боевым действиям. По крайней мере, сейчас. А возможно и на всю жизнь, это зависит от того, что скажут о них в госпитале.

– Куда их отправят?

– В госпиталь имени Юнгиана.

– Это психиатрическая лечебница...

– У них был острый психоз на поле боя. Сейчас они абсолютно подавлены и морально уничтожены. Есть риск суицида. Среди танкистов это очень распространено, когда гибнет машина, но выживает экипаж. Мы не можем рисковать чужими жизнями из-за троих психованных танкистов. Всё уже решено и одобрено.

– И что, по-Вашему, я должен сказать их друзьям?

– Это уже Ваша забота. На то Вы и командир. Однако я не думаю, что 37-ой взвод будет ещё участвовать в боевых действиях в ближайшее время. У вас из двадцати человек десять раненых и трое госпитализированных. Я направил запрос в штаб о том, чтобы ваше подразделение было отстранено от боевых действий. Если всё будет хорошо, то через какое-то время вас вернут в строй. Полным составом или с изменениями – это меня не касается. Свою работу я выполнил честно.

– Спасибо, доктор...

– Не стоит благодарности, я просто делаю своё дело.

Том поблагодарил врача ещё раз и пошёл в свой блиндаж, чтобы обо всём подумать. На следующий день их уже ждал поезд, который должен был увезти их с передовой.

Глава III

– Эрнст, ты остаёшься в расположении роты. Таков приказ командования. Прости, парень, я ничего не могу сделать, – Томас Берн похлопал юношу по плечу. Тот стоял с каменным лицом и смотрел строго перед собой. По нему было видно, что всё услышанное его не сильно тревожит. Командир смерил его взглядом, поинтересовался, всё ли в порядке, а затем, пожелав удачи, ушёл в сторону станции, где собрался весь 37-ой взвод за исключением Эрнста.

Он был среднего роста, не худ и не толст. У него были чёрные волосы, которые всегда коротко подстрижены. Высокий лоб, густые чёрные брови. Его глаза были зелёного цвета, но

иногда они становились карими. Прямой нос, слегка выпирающие острые скулы, худые щёки и тонкие губы, острый подбородок. Его взгляд всегда был устремлён куда-то далеко-далеко, за самый горизонт, а иногда в нём проскальзывал холодный стальной блеск, как у орла, когда он готов броситься на жертву. Эрнст не любил говорить о себе, не любил спрашивать других. Он вообще очень редко говорил. В классе его знали, как очень закрытого и нелюдимого человека. Однако хотя он и не стремился дружить с ребятами, он, находясь будто в стороне, всегда помогал классу, чего другие не могли не видеть. Они были благодарны ему за то, что он просто есть и делает то, что делает, большего от него никто требовать и не старался.

И вот теперь он остался один. Что ж, такое бывает, это не впервой, тем более ему вообще к этому не привыкать. Спокойным шагом, придерживая за ремень на плече свою винтовку, парень дошёл до командного пункта роты и доложил о прибытии в личное распоряжение командира.

– Отлично, рядовой, отлично, – довольным тоном прокомментировал ротный. – Положение дел сейчас очень нестабильное. Ты нужен своей стране здесь. Теперь ты отчитываешься лично предо мной. Свои задачи и обязанности ты прекрасно знаешь. Можешь выходить на охоту в любое время. Патронами тебя обеспечат, в качестве помощника можешь брать с собой любого рядового из оставшейся роты. Свободен!

Парень отдал честь, чеканно развернулся на сто восемьдесят градусов и вышел из блиндажа. Сейчас ему надо было собраться с мыслями. Для начала солдат прошёл по всей передовой линии и поговорил с солдатами. Ему очень было важно знать, что творится по ту сторону фронта. Эрнста интересовало всё, что видели, слышали и замечали его товарищи. Однако после последнего наступления, которое изрядно обескровило роту, солдаты были заняты лишь тем, что отдыхали, как могли, пока противник давал им на это время. Ничего ценного юноша так для себя и не узнал. Он быстро закончил сбор информации и отправился спать перед долгой бессонной ночью.

Когда на землю стали ложиться сумерки, он вышел из своего блиндажа и направился к ничейной территории между линиями окопов. Оглядев поле в бинокль, он убедился, что там всё тихо, и можно выходить на охоту. Одним быстрым движением он перемахнул через край окопа и тут же вжался в землю. Приникнув к ней всем телом, юноша пополз вперёд, по направлению к вражеской линии обороны. Иногда он останавливался и прислушивался к шорохам и звукам наступающей ночи. Перед ним было место недавнего танкового побоища. Это было идеальное место для начала.

Свою позицию он выбрал со всем знанием дела. Это было место под одним из сгоревших танков. Здесь было узко, но с этого места просматривался достаточно большой сектор имперских позиций. В качестве огневой позиции Эрнст выбрал останки сгоревшего танкиста, уперев на них дуло винтовки. Закончив эти простые приготовления, он снова взял бинокль и начал наблюдать.

Несколько пулемётных точек обнаружилось сразу, краем глаза солдат заметил несколько приподнявшихся над окопами касок, которые быстро скрылись из виду. Этого на данный момент было достаточно. Убрав бинокль, он установил винтовку на тело и прильнул к окуляру прицела. С этого момента семнадцатилетний юноша Эрнст перестал существовать в этом мире. На его месте сейчас был какой-то опасный хищник, самый настоящий зверь, готовый убивать. В зелёных глазах блеснула холодная искра. Он бесшумно выдохнул, лоя в перекрестие каску, едва приподнявшуюся над окопом. В следующую минуту он увидел лицо под той самой каской. Совсем молодое, полное жизни и эмоций. Улыбка искривила лицо снайпера. Выстрел! И вот ещё одно искривлённое лицо. Только это молодое лицо было искривлено от боли и ужаса. Каска слетела с вражеского солдата, а сам он полетел куда-то назад в окоп. И вот уже лицо юного убийцы снова спокойно и каменно. Он снова затаился, он выжидает момента, держа под прицелом небольшой участок окопа. Следующий выстрел он делает только через пятнадцать

минут, когда успокоившийся противник снова проявляет неосторожность. Это Эрнст называет охотой на любопытных мышей. Он ждёт, когда любопытство напуганного противника возьмёт верх над его страхом и...палец плавно давит на спуск, а через секунду в голове ещё одной жертвы зияет дыра размером с кулак.

Когда на позиции окончательно опускается ночь, снайпер уходит домой. Сегодня он унёс жизни десятерых. Сегодня ещё десять семей получают похоронки с гордыми словами «Погиб за Отечество». «Ха! Погиб за Отечество...Бессовестные ублюдки! Пришли на нашу землю, решили отнять её у нас, и они смеют писать такое в этих чёртовых письмах!» Эрнст уже видел готовые письма-похоронки имперской армии. «Погиб от собственного любопытства и тупости! Как вам такое, а! Вот она – правда о ваших сыновьях и мужах!» Он возвращается в окоп к своим в радостном запале. Там его уже ждёт младший офицер из какого-то взвода. Он хлопает Эрнста по плечу и даёт ему флягу с кофе.

– Видел, как ты их там косил! – рассказывает офицер, пока юноша делает глоток остывшего напитка. – Ну, ты даёшь, юнец! Десятка сегодня, а через месяц сотня! Такими темпами мы их всех передавим, как крыс!

Однако снайпер не торопится принимать похвалы и праздновать. Он интересуется у своего уюгостителя о том, засвидетельствует ли он попадания. Тот соглашается быть свидетелем. После ещё нескольких глотков кофе, они идут к командиру роты, где проходят официальную часть засвидетельствования попаданий. На этот день можно считать законченным. Парень идёт к себе в блиндаж и ложится, кладя голову на вещмешок. И вот он снова тут. Снова всего лишь семнадцатилетний мальчишка со снайперской винтовкой.

Его талант в стрельбе заметили ещё на курсах подготовки, где он на спор сшибал спичечные коробки со стометровой дистанции. Их инструктор был очень доволен таким открытием и сумел раздобыть для одарённого стрелка снайперскую винтовку. Теперь он готовился по своей собственной программе. Вход на полигон для стрельб у него был в любое время суток, доступ к оружию и патронам – тоже, а главное, это было действительно интересно Эрнсту. Да, общую программу он проходил наравне со всеми, но помимо неё у него были свои занятия по стрельбам, передвижению на местности и маскировке. Иногда он просил товарищей взять бинокль и отыскать его на полигоне для марш-бросков. Сначала его находили без особого труда, но со временем эти время поисков стало увеличиваться. В конце концов, его не могли отыскать и за час, потому что парень так незаметно передвигался ползком, что успевал за это время уйти с полигона.

И вот сейчас он дремал в своём блиндаже, вертя в руке винтовочный патрон. «О сколько же смертей», вдруг подумалось ему, «О, сколько жизней больше нет...И обещаний, что вернутся все домой...» Его мысли плавно утекают в каком-то неведомом направлении. Откуда-то приходит неизвестная до этого момента тоска. Эрнст, вдруг, чувствует, что он действительно один. Раньше всегда было так, что был он и класс. Пусть именно в таком соотношении, но так было. Был кто-то рядом, пусть даже не столь близкий, но всё равно дорогой. А сейчас он один. Завтра он ещё раз пойдёт на охоту. Что будет, если он не вернётся? Ротный вспомнит о нём только под утро, отправит людей искать, а когда найдёт, что тогда? Класс знал страшную тайну юноши. Им рассказал их наставник, когда Эрнст только перевёлся к ним во втором классе начальной школы. Однако класс пообещал молчать об этом. У Эрнста не было никого. Его родители погибли незадолго до его прихода в класс. По документам его родители числились живыми эмигрантами, но парень точно знал, что их больше не было на этом свете. Он жил один на те деньги, что остались от мамы с папой в их доме. У него всего было в достатке, чтобы вести безбедную, хотя и скромную жизнь. И всё.

И вот теперь даже те, кого он считал своей второй семьёй, те, кого он тихо и по-своему любил, те, за кого он заступался и кому помогал, они оставили его. Не по своей воле, видит Бог, и снайпер ни секунды не осуждал никого из них, но он остался совсем один. Это одиночество

вдруг так сильно накатило на него, что молодой человек со всей силы стиснул зубы. Он вдруг обнаружил себя таким, словно сейчас он стоит перед лейтенантом Берном, а тот хлопает его по плечу, говоря: «Прости, парень...» Густые брови удивлённо поднимаются, взгляд становится каким-то огорчённым. Чтобы отвлечься от этих мыслей, парень ложится на бок и прижимает к себе свою винтовку. Для снайпера его оружие – это не просто инструмент работы. Это всё равно, что танк для танкиста или верный товарищ в обычной пехоте. Вместе с винтовкой он проходит через всё, один на один со смертью, с сотнями противников, с такими же снайперами, как и он сам. И в этих маленьких сражениях он может положиться только на себя и на оружие, которое держит в руках.

Однако, как он не старается, мысли о его близких не покидают его. Раз за разом все их лица мелькают перед его внутренним взором. Все они – близкие ему люди примерно в равной мере, но среди всех был человек, особенно дорогой Эрнсту. С воспоминанием о ней, молодой снайпер мысленно возвращается в день, когда он первый раз оказался в классе.

Вот он входит в классную комнату, и все разговоры, все голоса затихают. Здесь о нём уже предупреждены, и, тем не менее, все взгляды устремлены только на новичка. Никто не решается ничего сказать вошедшему, ребята лишь с любопытством рассматривают мальчика. Тут из-за одной из парт поднимается хрупкая, худенькая рыжеволосая, коротко стриженная под мальчика девочка и подходит к Эрнсту.

– Привет! Я – Рене, а как тебя зовут? – она старается быть очень дружелюбной и приветливой. Она не дожидается, когда её собеседник представится, и указывает на предпоследнюю парту в ряду у окна. – Там есть свободное место, если хочешь, конечно.

После смерти родителей Эрнст не услышал в свой адрес ни одного доброго слова, он даже простится не смог с отцом и матерью. К нему просто пришёл человек в форме и сказал, что его родителей больше нет. Дальше были какие-то люди, много людей было перед глазами второклассника. Все они задавали ему какие-то сложные вопросы о родителях, говоря о них так, словно это были вещи, вроде настольной лампы или подсвечника. А сейчас эта совершенно незнакомая девочка при всех протягивает ему руку и радостно говорит:

– Давай дружить!

– Я... – мальчик смущается и краснеет, потупив взор, но быстро берёт себя в руки, становится серьёзным и пожимает руку. – Эрнст.

Всё такой же суровый и серьёзный он садится на своё место, провожаемый до него Рене, и отговаривается от вопросов парой дежурных фраз. Ему на самом деле очень неудобно сейчас, ему кажется, что что-то идёт не так, как он привык, не так, как обычно, и это выводит паренька из равновесия. Чтобы скрыть свою растерянность, он совсем отгораживается от всех, да и урок начался. Однако, после этого знакомства, Эрнст никогда не уйдёт с того места, которое показала ему Рене. И всё, что он будет делать ради всего класса, он прежде всего сделает потому, что эти люди дороги этой девушке. Нет, юноша не будет за ней ухаживать, как это обычно бывает в школе, он никогда не даст повода кому-либо заподозрить его чувства к Рене, но он будет нести их в себе, как человек несёт одну единственную зажжённую свечу в полной темноте.

Сейчас, лёжа в блиндаже, на линии фронта, он вспоминает об этом и обещает, что обязательно скажет всё Рене однажды. Он обещает это, он готов клясться на крови, что сделает. Сердце это наполняется какой-то живой лёгкостью от этих мыслей. «Как же хорошо, что она поехала в отпуск, как можно дальше от этого кошмара...» О себе и о своей сохранности юноша сейчас не думает. Сейчас ему кажется, что он заговорён от пуль, потому что везучий. Эрнст прижимает к груди винтовочный патрон, зажатый в кулаке, и медленно проваливается в сон.

Утро встречает снайпера снегопадом. Большие, лохматые снежинки сыплются с неба, кружась в воздухе. Всё вокруг становится белым и чистым. Кажется, что сама война стирается с земли, но это лишь кажется. По позициям Галитии неточно бьёт вражеская артиллерия, патрули осторожно обходят позиции. Где-то в окопе играет губная гармошка. Она тянет какую-то

мелодию, словно о чём-то плачет. Эрнст получает на складе патроны и белый маскировочный халат. Он слабо помнит, о чём думал прошлым вечером. Он помнит, что ему было от чего-то очень тоскливо.

Взяв патроны и обмундирование, он отправляется на поле. Там он долго ищет удобную позицию для стрельбы, намеренно избегая того танка, под которым лежал вчера. Это уже известная позиция, находиться на ней опасно. Наконец, выбрав для себя небольшую воронку, он устраивается в ней и начинает наблюдение. Из-за холма слышится гудение двигателей, которое перекрещивается с грохотом пушек, но огонь ведётся не прицельный. В какой-то момент окружающее и душевное состояние снайпера приходят в гармонию, и он просто смотрит на поле перед собой и на холм справа. Он не высматривает ничего, он не ищет жертв в прицел, он смотрит, как на это поле, на этот холм падает снег. Снег ложится на останки танков, он попадает в воронки, стирая их черноту, он падает на Эрнста, укрывая стрелка, как покрывало. Где-то слева идёт патруль. Юноша слышит, как снег скрипит под сапогами солдат.

Неожиданно среди гула фронта и грохота пушек раздаётся едва различимый выстрел. Позади Эрнста на снег падает один из патрульных. Это выдёргивает парня из умиротворения. Он совершенно точно слышал выстрел, хотя его и замаскировали в общем шуме. Это означает, что его приглашают принять участие в дуэли. Эрнст тут же прикидывает к прицелу и просматривает доступный сектор обзора, выискивая то, что может выдать врага. Он ищет подозрительные кочки, странную поросль и другие признаки неосторожного стрелка. А между тем через несколько минут раздаётся ещё один выстрел. Где-то позади стонет раненый солдат, что подстёгивает Эрнста скорее решить вопрос с вражеским снайпером, иначе он сам рискует стать мишенью.

Однако, поиски не дают результатов. Парень делает глубокий вдох и отсчитывает до десяти, после этого он выдыхает, приводя свои нервы в порядок. Самое глупое сейчас – это поддаться волнению и начать глупить. Только спокойствие и собранность могут помочь выжить в этой ситуации. Если пытаться быстро решить ситуацию, можно не только угробить ещё больше своих, но и самому погибнуть на радость противнику. Поэтому Эрнст ещё несколько раз считает, приводя себя в порядок. Он старается не двигаться, интуитивно он прижимается к земле, стараясь едва ли не слиться с ней воедино. И пока что это позволяет ему выжить. Он смотрит на поле перед собой, высматривая, не шелохнётся ли где трава, не блеснёт ли окуляр прицела. В тоже самое время он ждёт следующего выстрела врага, который выдаст его позицию. Однако враг тоже не спешит, трава не колыхается, снег падает на поле, покрывая его белой глазурью.

Проходит около часа, а новых выстрелов всё нет. Эрнст не решается даже шевелить головой, хотя его шея уже сильно затекла. Его внимание привлекает странное шевеление рядом с одним из подбитых танков. Что-то очень быстро мелькает между его траков. Медленно и очень плавно Эрнст переводит дуло своей винтовки и глядит в прицел. В следующую секунду его палец давит на курок. Затем раздаётся полный боли крик. В прицел юный стрелок видел, как пуля прошла ровно в щель и от ricoшетила от ствола вражеской винтовки. Из-под танка появляется фигура. Она быстро бежит от танка. Видимо, этому человеку очень больно, раз он совершенно забыл о мерах осторожности и присутствии Эрнста. Но шадить раненого врага юноша не собирается. Пуля настигает беглеца прямо у кромки вражеских окопов, и уже мёртвое тело падает туда, словно мешок.

После удачной охоты он возвращается в окопы и докладывает о своей победе. Мимо него проносятся убитых из патруля. Эрнст смотрит на них с каким-то отрешённым равнодушием. Может быть раньше, когда он был человеком, он мог бы пожалеть этих бедолаг. Может быть, тогда он испугался вида их ран или разозлился на противника. Но Эрнст ушёл. Он ушёл далеко в поле и не вернулся. Теперь в окопе стоял кто-то другой. У него лицо Эрнста, его имя, форма синего цвета, личный жетон с тем же номером. Подмены никто не заметил. Юноша уже не помнил, когда он попрощался с собой. С тем, кто ушёл в поле и не вернулся. Может быть,

он даже умер. Он умер вместе с первым солдатом, чья голова попала в прицел. Когда пуля сразила того несчастного, умер и Эрнст. Вот и сейчас перед ротным стоял не он, а человек с каменным лицом и стальной душой. И только кажется, что ему девятнадцать. Его голова покрыта лёгкой сединой под солдатской кепкой, на его лице морщины. Это солдат. У него нет возраста, нет времени, нет цели и смысла. У него нет родных и друзей, у него нет веры и убеждений. Горе и радость одинаково отражаются на лице, страха нет, нет жалости. У него даже нет имени. Это солдат, у него есть только личный номер на жетоне. Он не умеет любить, он призван в этот мир убивать. Убивать без сомнений, убивать без жалости, убивать без страха. И для него нет иной судьбы. Он – детище Войны. Он её послушный сын. Рука об руку со Смертью он идёт по миру. Там, где он проходит, увядают цветы, чистое небо заволакивает чёрный дым, а детский смех сменяется криками боли и ужаса. Но когда-нибудь мать сжалится над своим сыном. Она примет его в свои объятия. И Солдат ляжет на землю, прильнёт к ней грудью, сожмёт в объятиях. И нет на земле объятий крепче, чем эти. В воздухе повиснет тишина, ни один звук не нарушит её. И в этой тишине солдат обретёт покой.

Эрнст сам не заметил, как погрузился в это размышление. Он думал по пути в свой блиндаж. «Нет. Не безымянный. Меня зовут Эрнст. Не пустой, не убийца. Я пришёл сюда не просто убивать без цели и смысла. Я хочу, чтобы там далеко она не слышала разрывов, чтобы она не видела этого ада, чтобы они все там как-нибудь переждали. Мой дом, моя семья! И не возьмёт меня эта дрянная чертовка Война! Мне есть к кому вернуться, мне есть куда идти. И я сделаю всё, чтобы это как можно скорее закончилось». На его лице разглаживаются морщины, оно снова приобретает живой цвет. Лицо окопа становится живым. Он вошёл в свой блиндаж, достал из ранца пару галет, налил из фляги кофе и принялся ужинать. Быстро перекусив, он вышел из окопа, чтобы покурить. Но тут раздался сигнал тревоги. Никто не подозревал, что этот артналёт предвещает страшные события. Эрнст взял винтовку и встал к краю окопа, приготовившись к стрельбе.

Глава IV

Они прибывают поездом в город Лиз. Как им сообщил лейтенант Берн, город является одним большим полем боя, на котором схлестнулись армии Галатии и Империи. Каждый день идут ожесточённые бои за каждый дом, каждую улицу, каждый метр земли. Галатийцам очень не хватает людей, поэтому взвод без лишних разговоров отправляют на вторую линию передовой, где размещают в одном из наполовину уцелевших домов.

До самого вечера они располагаются на новом месте, до них тут, видимо, кто-то жил, потому что в одной из комнат ребятами был найден походный ранец со всеми вещами индивидуального пользования. Так и не придя к единому мнению о том, что делать с этими вещами, они оставляют их нетронутыми. Наступает вечер.

Ребята греются у печки, кто-то лежит на полу, закутавшись в плащ-палатку, кто-то занимается своими делами. Неожиданно дверь открывается и на пороге появляется странный незнакомец. По виду ему лет двадцать пять, его волосы покрыты лёгкой сединой, что видно под сдвинутой на один бок солдатской кепкой. Он худ и бледен, а под глазами у солдата мешки от сильного недосыпа. Лицо человека измазано грязью и покрыто щетиной.

Незнакомец уставшим шагом проходит к оставленному ранцу, достаёт пару галет и усаживается в угол, где принимается тихо ужинать. Рядом с собой он кладёт винтовку. Ребята быстро забывают о госте и продолжают говорить о своём. В душе они очень не завидуют своему странному соседу, ведь у них в мешках много хорошей еды, что им дали на прощание родные. Но никто не собирается делиться припасами с угрюмым человеком.

Рене украдкой посматривает в сторону перекусывающего солдата. Чем-то он ей подозрителен, что-то в нём есть странное. Затем она, молча, встаёт из круга сидящих перед «буржуй-

кой», подходит вплотную к человеку и, не отрываясь, смотрит ему в лицо. Тот поднимает глаза на девушку. Он видит, что губы у неё дрожат, она сильно волнуется, терзаемая в душе какими-то переживаниями. Руки её прижаты к груди, а ладони сжаты. И тут на всю комнату раздаётся надломленный, полный боли и ужаса голос Рене.

– Э-Эрнст?

Солдат не отвечает, но в его пустом взгляде пробегает искра. Он словно вспомнил что-то очень хорошее, что-то теплое и дорогое ему. Он смотрит, как из глаз девушки текут слёзы. После тихого всхлипывания, она заговаривает снова.

– Господи, Эрнст! – ей тяжело говорить из-за переполняющих её чувств, которые отражаются слезами на юном личике. – Господи, что с тобой? Неужели это ты, Эрнст! Что с тобой, что с тобой стало?! Ты такой бледный, Боже мой! Что с твоими глазами? Ты не спал несколько дней? Эрнст! Эрнст! – она поворачивается к своим товарищам, которые смотрят на эту сцену, не в силах что-либо сказать. Они видят её залитое слезами лицо, на котором читается ужасное горе. – Ребята! Это же Эрнст! Наш Эрнст! Что же вы сидите? Почему вы молчите? Он же был тут совсем один! Один, вы понимаете?! – девушка снова поворачивается к снайперу. Теперь в его очертаниях ребята смутно узнают одноклассника. Как же он изменился за ту неделю, что они провели в отпуске. Его лицо стало худым, скулы стали ещё острее, на лбу появились морщины. Его волосы покрылись сединой, словно бы их посыпали белым пеплом. Судя по всему, он давно не умывался и не брился. А из взгляда пропало что-то живое и человеческое, хотя цвет глаз не изменился. Сейчас они были изумрудно-зелёными. Пока они рассматривают своего изменившегося товарища, Рене не может успокоиться. Она смотрит на руки Эрнста, которые держат сухую галету.

– Это – всё? – в ужасе спрашивает она. – Это – всё, что ты ешь? – Она быстрым резким шагом подходит к его ранцу и открывает его. Она находит в нём ещё пару лепёшек, вроде той, что в руке у юноши. Она не верит своим глазам и в бессилии опускается на пол. Её губы едва шевелятся. – Боже мой...

Эрнст быстро поднимается со своего места и ловит падающую девушку. Её тело повисает у него на руках. Без всяких слов снайпер поднимает худенькую Рене и несёт в одну из дальних комнат. Там он укладывает её на свою плащ-палатку. В комнату осторожно проходит Агнесс, держа в руках чашку с водой и мешок. Всё это оставляется перед Эрнстом.

– Тут вода и еда... Это от всех нас. Я понимаю, что тебе не хочется, но прими всё же. Хотя бы ради неё, – ефрейтор указывает на девушку. Юноша кивает, и Агнесс уходит к ребятам, оставляя его наедине с Рене. Снайпер тяжело вздыхает. Он думает, что хорошо, что она видела лишь это. «Как хорошо...» думает он, «Что она не видела нашего отступления...» Вместе с этими мыслями к нему возвращаются воспоминания о кровавой неделе, полном горя, бед и отчаяния.

Всё начало через несколько дней, после того, как 37-ой взвод уехал в отпуск. Через несколько дней Империя нанесла под Рамсом ужасный удар. Их наступление за день отбросило галатийцев за город. С ходу имперцы взяли сначала все передовые рубежи, потом Рамс, а потом и позиции Галатии за ним. И было бы хорошо, если бы это всё так и выглядело – пришли, взяли. Но нет. В этот день за каждый клочок земли шли самые кровавые бои, какие только видел Эрнст. Солдаты держались в своих окопах до последнего патрона, а затем шли в рукопашную. Они бросались на врага, как разъярённые тигры. Но ни умение, ни смелость, ни отчаянная борьба не могли сломить железного кулака Империи. И это был действительно железный кулак, состоящий сплошь из танковых рядов. На земле разверзлись врата Ада. Каждая новая атака начиналась с того, что пушки противника сравнивали позиции обороняющихся с землёй, затем в бой шли стальные машины. И их было не пять или десять. Их было столько, что, куда ни брось взгляд, он всегда наткался на бронированных гигантов. А вслед за танками шла стеной вражеская пехота. И это были не только обычные солдаты. Это были самые настоящие

цепные псы, спущенные с поводка, которые врывались в окопы, уничтожая всё на своём пути. Вой снарядов, стоны раненых, скрежет траков, крики нападающих, свист осколков – этот военный оркестр Эрнст слышал раз за разом, когда, сидя в своей ячейке, он прикинул к прицелу и прорезал ряды противника. Скольких он убил? Сотню? Две? А может тысячу? Теперь этого никто уже не узнает. А сколько погибло у него на глазах? Тысячи и тысячи легли в землю... в живых остались единицы. О, как они завидовали тем, кто навсегда остался на этих полях.

Спешное отступление длилось неделю. Всё это время Эрнст был в самых последних его рядах, чтобы в очередной мясорубке выиграть немного времени для отступающих. И вот они оказались в городе Лиз. В этом чёртовом городе, где началась ещё одна мясорубка. Но к этому моменту, юноша уже перестал быть собой. Война подхватила его, как бешенный кровавый водоворот, и затянула в себя. Со временем он привык к скудному пайку, к вечному недосыпу, а главное, он привык к крови. О, сколько же крови было на нём... Сейчас, когда он сидит в комнате перед Рене и думает об этом, ему кажется, что в мире не хватит всей имеющейся воды, чтобы смыть всю эту кровь.

За всё это время он потерял трёх командиров. Мимо него на смерть прошло столько лиц, столько людей, что все они смешались в единую серую массу. Но одного он, наверное, не забудет никогда. Это был кавалерист. Они познакомились в отступлении, в тот раз кавалерист подвёз Эрнста с очередного последнего рубежа, который тот держал. Вместе они были всего пару дней, но за эти пару дней смерть столько раз шла за ними по пятам, что эти двое успели сродниться, как братья. Верховой был старше Эрнста на пару десятков лет, но молодости в нём было столько, что хватило бы на троих. Он постоянно пел песню про Валады – область на юге Галатии, откуда был родом этот удивительный всадник. И вот в один из дней, они под самый закат удирали от имперцев. Пули свистели буквально в нескольких сантиметрах от головы Эрнста, который всем телом прижался к своему товарищу. А тот во всю погонял лошадь, напевая песенку. И тут среди всех этих выстрелов раздался один. Он был таким же, как все, он точно также прозвучал, но было в нём что-то зловещее. Лошадь резко замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась. Пробитое тело, словно мешок сползло на землю. Товарищ снайпера оставил седло. Эрнст быстро спрыгнул с лошади и склонился над другом. На небе загорались первые звёзды, месяц печально склонился над ними, словно бы тоже, как и юноша, заглядывал в лицо всаднику. Губы павшего ещё шевелились. Парень приблизился к ним и услышал, как шёпотом звучат слова уже такой знакомой песни: «Валады, Валады, Вала...» И на этом голос оборвался. Сумерки легли на землю. Эрнст сорвал с шеи товарища жетон. Лошадь успела убежать куда-то далеко, а перед юношей был лес. Туда он и пошёл, стиснув зубы от боли. Так он шел целую ночь, пока не попал в какую-то другую отступающую часть. Вместе с ней он и добрался до Лиза, где начал свою страшную месть за смерть товарища.

И вот теперь он был здесь. В полутёмной комнате. Рене, похоже, уже давно пришла в себя и держала снайпера за руку. Он и сам удивился, что не заметил это только сейчас. Каким-то потерянным взглядом он посмотрел на неё и вздохнул. Какая она была сейчас красивая для него. Его глаза уже давно привыкли к темноте, и он мог видеть все черты её юного лица. Она будто и не изменилась с того самого дня, как они впервые встретились. Всё те же веснушки, всё те же карие глаза, чуть вздёрнутый носик. Рыжие волосы, подстриженные коротко, словно под мальчика. «Как только эта хрупкая девочка таскает на себе ручную противотанковую пушку? Зачем она вообще пришла сюда, в этот Ад на земле?» Он вспоминает своё обещание, данное самому себе в блиндаже месяц назад.

– Рене, – начинает он, глядя в пол. Он не может произнести этого, он предпочёл бы сгореть, быть размолотым траками, разлететься во взрыве на тысячу частей. Но у него больше может не представиться возможности. Уже завтра ребята и он пойдут в бой. Возможно, что сегодня последний вечер, когда он может исполнить обещанное.

– Рене... – снова начинает он после продолжительной паузы. Он старается быть серьёзным и строгим. Но ему всего семнадцать. Хоть он и прошёл столько, сколько люди и за всю жизнь не проходят, ему, в конце концов, всего семнадцать лет, он впервые собирается признаться кому-то в своих чувствах, и это для него намного страшнее, чем пройти ещё одно отступление. Какая ирония жизни. Всего пара слов может даваться труднее, чем сотня убийств. Чтобы успокоить нервы, снайпер делает глубокий выдох, словно собирается стрелять.

– Я... – он словно кладёт палец на спуск. – Я... – ещё один выдох, удары его сердца гулко отдаются в груди. – Я тебя... – он удерживает себя от того, чтобы закрыть глаза, он смотрит прямо на девушку, – люблю, – «БАМ!» это слово раздаётся из его уст, словно выстрел его винтовки. Оно оглушает юношу. Он ничего не чувствует в этот момент. Тело, оно такое лёгкое, в голове так чисто и ясно, словно это небо в безоблачный день. И солнцем на этом небосводе сияет какое-то безумное чувство. Ему кажется сумасшествием та радость и счастье, которое сейчас озаряет его разум чистым сиянием.

Для Рене Бизхаиль он всегда был очень несчастливым человеком. Пожалуй, она одна восприняла слова учителя о том, что у мальчика, который придёт к ним в класс, нет родных, как тяжёлый удар, будто бы ей самой сказали, что у неё никого не осталось. Когда она увидела его в первый раз, она уже была настроена, как можно теплее относиться к этому мальчику. И, пожалуй, она одна приняла сдержанность и напускную серьёзность Эрнста не за нарочитую грубость и нелюдимость, а за большое горе, которое могло быть в нём. На протяжении всей школьной жизни она потихоньку, исподтишка старалась сделать его жизнь немного ярче и счастливее. Удавалось ли ей это, она не знала, но свято верила, что делает хорошее дело. Когда она уезжала в отпуск, она была так потрясена войной, что совсем забыла о далёком ото всех парне со снайперской винтовкой. И, только вернувшись сюда, увидев его таким измученным, уставшим, голодным и разбитым, она вспомнила о том, кто в какой-то мере был ей дорог. Она была так поражена его состоянием, что даже потеряла сознание от ужаса. Её первой мыслью, после шока узнавания было: «Он же был тут совсем один. Ему, наверное, никто и доброго слова не сказал за всё это время, никто не спросил, как он, что он чувствует... Его бросили все, абсолютно все». Когда она очнулась, то застала Эрнста в размышлениях. Он сидел, уставившись в одну точку и ничего не видя перед собой. Он даже не отреагировал, когда она взяла его за руку. Лишь через несколько минут он пришёл в себя. И начал говорить. И вот он сказал ей это. Что же ей делать? Что ответить ему? Что она чувствует по отношению к нему? Ей требовалось время для ответа на все эти вопросы, а его сейчас как раз было мало. С одной стороны, надо было что-то делать, как-то ответить на это признание, не мучить и без того разбитого друга. Но с другой стороны, нельзя было отвечать первым, что приходило в голову, нельзя было давать не оправдываемых надежд. Она вдруг резко встала и быстро вышла из комнаты, оставив юношу одного. Ей срочно нужно было подумать обо всём, что только что произошло, и понять что-то в себе. А для этого ей надо было побыть одной.

Новый день встретил их близкими разрывами артиллерийских снарядов. Лейтенант Берн был уже на пороге, когда ребята повскакивали со своих мест и в спешке надели каски. Единственный, кого не было – Эрнст. Он каким-то немислимым образом исчез из дома, оставшись никем незамеченный.

– Сегодня мы вместе с 4-ой ротой 23-ей стрелковой дивизии будем зачищать улицу Трубников, – ставил перед ребятами боевую задачу Том. – Пауль, Ральф, оставить пулемёт на складе снабжения. Там вам выдадут ваше новое оружие. Всем остальным готовиться к выступлению через час. Разойтись!

Через час они вместе с четырьмя взводами из стрелковой роты выдвинулись к указанной улице. Шли, молча, на полусогнутых, пригибая головы, так как в округе могли действовать снайперы противника. Изредка сквозь гул фронта до них доносились крики и одиночные выстрелы.

Улица Трубников была довольно широким и, когда-то красивым бульваром. Сейчас она представляла из себя просто поле воронок от снарядов. Взводу надо было пробиться на другую сторону, к домам, где засели имперцы, и выбить их оттуда. Но, как только они ступили на проезжую часть, раздался треск множества пулемётов.

– Не высовываться! Рассредоточиться у окон!

Задача из обычной зачистки превращалась в долгое сидение у окон с короткими перестрелками. Берн следил за окнами домов напротив с помощью небольшого зеркала. Он отметил, что в здании стояло, как минимум, три огневые точки. Время начало тянуться медленно и печально. Ситуация зашла в явный тупик. Вдруг, раздался громopodobный выстрел откуда-то сверху, и Берн увидел в отражении, как один из вражеских пулемётчиков рухнул из окна с огромной дырой в голове. Не прошло и десяти минут, как вслед за ним отправился второй стрелок. Имперцы в доме напротив зашевелились, спешно отходя от окон. Это был, возможно, единственный шанс для ребят, чтобы начать атаку.

– Вперёд! За мной!

С криками и выстрелами по окнам, они выбежали на улицу и тяжёлым бегом преодолели полсотни метров, что отделяла их от противника. Зайдя в дом, они тут же разделились на четыре группы по пять-шесть человек, и пошли вглубь дома. Перед Берном была запертая дверь комнаты. Анна хотела было выбить её ударом приклада, но Том быстро и бесшумно остановил её.

– Смотри сюда, – начал он. – Сначала, к стене по обе стороны от двери, – его подчинённые тут же прижались к стенам. – А теперь очень внимательно следим и запоминаем. Первым делом, граната, – он достал из сумки противопехотную гранату, выдернул чеку, резким движением открыл дверь, забросил фугас в помещение и закрыл дверь, прижавшись к стене рядом с другими. Из комнаты донеслись испуганные голоса, а затем дверь просто вылетела от взрыва, разлетевшись на куски. Берн обернулся к ребятам из своей группы. – Заходим быстро и прижимаемся к ближайшей стене! Обводим взглядом и стволом всё пространство слева на право. Стрелять во всё, что движется или издаёт звуки! – и он шагнул в комнату, тут же привалился к стене и оглядел помещение. Живых здесь уже не было, трое бойцов Империи лежали на полу с разбитыми телами. Лица их были изрезаны осколками. Вслед за ним вошли и остальные члены отряда.

– Всё ясно? Повторять так с каждой новой комнатой. Даже если вам кажется, что там никого нет. Граната, вошли, к стене, осмотрелись. Выполнять! Бегом-бегом-бегом!

Сам Томас пошёл к следующей группе, чтобы научить их этому искусству зачищать комнаты. Тем временем Ральф и Пауль в сопровождении нескольких товарищей отправились в подвал. Одной из особенностей города Лиз было наличие огромной сети подвалов подо всем городом. От одного края города до другого можно было попасть, всего пару раз выходя на поверхность. Этот дом, также, был частью сети катакомб. И здесь, как и на поверхности, шли отчаянные бои. Вместе с ними шло ещё пять человек из стрелковой роты. Первая же небольшая зала приготовила им сюрприз. Это было достаточно большое помещение, чтобы в нём можно было организовать хороший оборонительный пункт. Раньше комната, скорее всего, предназначалась для хранения продуктов или каких-то вещей. Проход шёл через неё насквозь. Однако, противник так хорошо забаррикадировался, что здесь был необходим целый взвод для прорыва через пулемётный заслон. Взвод или всего пара солдат с тяжёлым вооружением пехоты.

Прикрытый заградительным огнём, Пауль на свой страх и риск подобрался к мешкам с песком, которые перекрывали проход, и за которыми прятались вражеские солдаты. А затем он достал из-за плеча шланг, направил его на позицию противника и открыл клапан. С диким шипением, словно озлобленная змея, горячая жидкость вырвалась из трубки и залила всё перед парнем. Тут же послышались отчаянные крики и стоны. Новое оружие, что получил юноша на складе, было ручным огнемётом. Сначала он показался Паулю похожим на садовый

опрыскиватель, совершенно безобидным, но теперь он видел, насколько ошибался. Это ужасное, нечеловечное «чудо-оружие», призванное пробивать бреши во вражеской обороне, было самым настоящим детищем войны. Оно сочетало в себе всю смертоносную, губительную силу, мощь и беспощадность. Попадая на человека, горячая жидкость впитывалась в одежду, липла к коже и не давала сбить пламя. Жертва в прямом смысле горела заживо в этом адском огне.

Бой был довольно коротким. Всего за какой-то час четырёхэтажный дом был зачищен полностью. Несколько раз ребята попадали в довольно трудные ситуации, но каждый раз их спасала неведомая сила, которая обрушивалась на противников откуда-то сверху. Казалось, что какой-то неведомый ангел-хранитель оберегает их от беды. После зачистки, когда всем было разрешено передохнуть, кто-то подошёл к окну.

– Ребята, смотрите сюда!

Они подошли к окну и посмотрели туда, куда показывал их товарищ. На противоположной стороне улицы стоял высокий дом с башенками на крыше. Солнце как раз едва показывалось над одной из них. Там в ореоле солнечного света стояла фигура человека. Свет создавал такую картину, словно на крыше стоит вовсе не человек, а ангел, источающий божественное сияние. Кто-то махнул этой странной фигуре рукой, и она тут же исчезла. Только что была у всех на виду, а потом как будто испарилась в солнечных лучах.

– А здорово было бы, если бы это и впрямь был наш ангел, – мечтательно произнесла одна из девушек. Видимо, эта идея с ангелом очень глубоко тронула её. Между тем, Берн собрал всех в этой комнате и провел обычный опрос на наличие раненых. Всего насчиталось три лёгких ранения, которые могли быть устранены без привлечения санитаров. Затем было объявлено, что в этом доме они закрепятся, пока не подойдут части регулярной армии, чтобы закрепить своё присутствие на территории. Том решил, что надо хорошенько укрепить позицию, чтобы, если начнётся имперское контрнаступление, противник не прорвался в здание. Тут же он буквально проклял командование, которое дало приказ о перевооружении пулемётных команд наступательных взводов в огнемётчиков. Да, огнемёт был очень хорош в зачистках, особенно при работе в замкнутом пространстве, но обороняться с огнемётом было верхом глупости.

Пока командир Берн решал проблемы, связанные с организацией обороны, Эрнст перебрался на новую позицию. В какой-то степени он чувствовал себя дураком из-за того, что неосторожно поднялся со своей позиции и попал в поле зрения ребят. Это был действительно глупый поступок, учитывая, что кроме них в этом городе существовали ещё и вражеские снайперы. В этот раз его спасло чудо, но долго ли чудеса будут случаться с ним? Эрнст медленно перебирался по развалинам дома, стоящего перпендикулярно к улице Трубников. Отсюда ему открывался прекрасный вид на проспект, на котором стоял этот дом. Несмотря на то, что на дворе был уже конец осени, и на улице стоял лёгкий холодок, Эрнст здорово вспотел от всех лазаний по руинам домов. Сейчас юноша снова был хищником, который рыскал по этому городу в поисках добычи.

Заняв удобную позицию, парень взглянул на проспект в бинокль. Никакого движения. Всё выглядит так, будто врага здесь и не было. Только тела погибших указывают на проходившее здесь сражение пару дней назад. Снайпер не видел этого побоища, но слышал о нём достаточно, чтобы поверить в его кровавость, а то, что он видел сейчас, лишь подтверждало слова раненых и выживших в схватке. Тела лежали на земле ровным слоем. Они висели на заграждениях с колючей проволокой, они были распластаны на земле. Тут же стояло несколько танковых остовов, в которых зияли огромные дыры от гранат. Эрнст нервно сглотнул при виде этой картины. Обгоревшие, разорванные, проткнутые, расстрелянные, зарубленные лежали на земле сотни людей. При виде этого зрелища, даже у бывшего солдата пробежали мурашки по спине.

Вдруг раздался выстрел, и пуля со свистом ударила в стену позади юноши. Однако он даже бровью не повёл, а лишь быстро отполз от края, где заканчивался пол чердака, обрублен-

ный взрывом. Следующая пуля прошла в том месте, где пару секунд назад была голова парня. Лицо снайпера словно окаменело, он почти полностью задержал дыхание. Только мысленно отсчитав до десяти и обратно, он вдохнул полной грудью. Противник, судя по всему, не собирался делать предупреждений. Его первый промах, скорее всего, был лишь случайностью. Всё это говорило лишь об одном: дуэль началась.

Прежде всего, Эрнст решил уйти вглубь дома, в его не разрушенную часть, под прикрытие стен. Медленно-медленно, как черепаха, ползком, он добрался до выхода с чердака и скрылся в нём. Там он прислонился спиной к стене и сделал несколько дыхательных упражнений. «Надо успокоиться и подумать. Давай, думай, Эрнст. Он тоже не идеален, своим выстрелом он допустил ошибку, хотя и лишил меня преимущества высоты. Что могло меня выдать? Маскировка на мне городская, винтовка не выдавалась... Если бы он нашёл меня сразу, то не стал бы тянуть. Я слишком засмотрелся на это поле боя. Бинокуляр – вот ответ. Он стрелял по блику линзы. Но этот блик ослепил его, вот почему он промазал. Случайностей не бывает, есть лишь совпадения. Теперь надо лишь отыскать его... Он где-то там. Среди мертвецов на улице есть один живой». Потерянное преимущество в высоте надо было вернуть. Кроме того, надо было вычислить примерное место нахождения противника. Что ещё он знает о враге? В винтовке империи пять патронов, два уже отстреляны. Скорее всего, он не дозарядил остаток, это могло сыграть на руку молодому снайперу. Он вернулся к проёму, ведущему на чердак, достал зеркальце на длинной ручке и взглянул через него на улицу. На секунду зеркало отразило маленькую вспышку, мелькнувшую из-под одного из танковых корпусов, и разлетелось в дребезги под звук выстрела. Эрнст хищно улыбнулся. Он нашёл свою добычу, осталось лишь поймать его в прицел и спустить курок.

Однако не стоило и забывать о том, что добыча – это тоже хищник. Пусть не очень опытный, раз купился на приманку с зеркалом, но всё же хищник. «У него сталося два патрона». Этот факт, конечно, радовал, но не особо. Два патрона это не их отсутствие. Это две человеческих жизни, и, если Эрнст не будет аккуратен, то одна из них будет его. И тут ему в голову пришла новая мысль. «А почему мы должны честно драться? Это ведь не дуэль, а война. Здесь все средства хороши. Так чего это я джентельменствую?» Эрнст спустился на первый этаж дома и выбрался из развалин, ползя на животе. Его план был прост, но рискован. Он медленно перебирался через тела, то и дело замирая, притворяясь мёртвым, а затем продолжая движение. Наверное, прошло около часа, когда Эрнст, дрожа от напряжения, подобрался к тому самому месту, где должен был сидеть снайпер врага. И юноша не ошибся, он всё ещё был там. Медленно и бесшумно парень достал из-за пояса гранату и вынул чеку. Бросок, Эрнст прижался всем телом к трупу, на котором лежал, и зажмурил глаза. Полный ужаса крик и взрыв, заставивший всё тело снайпера содрогнуться. Затем он открыл глаза и осторожно заглянул под остов танка. Зрелище, которое предстало перед ним, заставило его согнуться, стоя на коленях. Его стошнило. Там, под танком было абсолютно изуродованное тело человека, которое больше всего было похоже на кровавую мешанину из мягких тканей, костей и органов. Головы у трупа не было, по всей видимости, взрыв просто разорвал её. Больше смотреть на это Эрнст не стал. Быстро, бегом, забыв об опасности, он добежал до дома, где укрывался всё это время, и вернулся на своё «орлиное гнездо», прогоняя от себя мысли о трупе поверженного врага.

– Долго ли мы будем держать здесь оборону?

– До подхода частей регулярной армии, – Берн хмуро посмотрел на Агнесс, которая стояла рядом и наблюдала за проспектом.

– Это Эрнст идёт за нами?

– Да, как видишь, он тут просто незаменим. Он засел где-то в руинах с видом на проспект и выжидает. Может быть, охотится на снайперов противника, может быть просто сидит в засаде. В любом случае, его опыт и способности нам только на пользу. Как его отношения с остальными?

- Как обычно. Хотя он и изменился, его отношение осталось тем же.
- Это меня вполне устраивает. Как у нас с патронами?
- Есть, но не так много, как хотелось бы.
- А как бы Вам хотелось, ефрейтор?
- Простите? – Агнесс в неловком недоумении, но уже через секунду она берёт себя в руки и чётко отвечает. – Мне бы хотелось, чтобы у нас было тактическое преимущество.
- А Вы видите его отсутствие? – Берн неумолим, но он как будто не предаёт этому разговору должной серьёзности. Его вопросы звучат с ленцой, без особого пристрастия и хватки.
- Так точно, – железно рапортует Агнесс.
- Поясните...
- У нас есть недостаток в ручных гранатах и тяжёлом вооружении пехоты, которое было бы уместно в обороне. В данной ситуации огнемёты не только бесполезны, но и небезопасны.
- Разумное замечание, – соглашается Берн. – Что-то ещё?
- У нас слабая защита от проникновения через подвальную систему. Я считаю, что эти пути надо завалить с помощью взрыва.
- У нас есть для этого необходимая амуниция?
- Никак нет, – тон Агнесс предельно серьёзен и холоден. – Здесь требуется работа сапёров с соответствующими знаниями и снаряжением.
- Разумно... разумно, – протягивает Том. По нему и не скажешь, что он придаёт значение всему диалогу. Он словно чуть-чуть засыпает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.